

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

АННЕ МЕТТЕ ХАНКОК

ТРУПНЫЙ ЦВЕТОК

INSPIRIA

Кальдан и Шефер

Анне Метте Ханкок

Трупный цветок

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Ханкок А.

Трупный цветок / А. Ханкок — «Эксмо», 2017 — (Кальдан и Шефер)

ISBN 978-5-04-110463-4

Все не так, как кажется. «Дебют года» по версии Датской академии детектива. Журналистка Элоиза Кальдан получает серию загадочных писем от Анны Киль, бесследно исчезнувшей женщины, осужденной несколько лет назад за убийство адвоката. Несмотря на то, что ее собственная карьера под угрозой, Элоиза с помощью полицейского Эрика Шефера из Копенгагена начинает раскапывать старое дело, потому что понимает, что на карту поставлена и ее жизнь тоже. «Трупный цветок» — это по-скандинавски жесткая история двух сильных женщин, история преступления, мести и возмездия. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-110463-4

© Ханкок А., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

1	6
2	8
3	10
4	16
5	19
6	25
7	31
8	38
9	41
10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Анне Метте Ханкок

Трупный цветок

Anne Mette Hancock

CORPSE FLOWER

Corpse Flower, Anne Mette Hancock and Lindhardt og Ringhof Forlag A/S, 2017

© Шершакова М.В., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1

Анне часто снилось, как она его убивает. Беззвучно подкрадывается и решительно вонзает нож ему в горло. Поэтому она не проснулась в холодном поту, а просто медленно смахнула с себя очередной сон, после которого у неё перед глазами ещё мелькал калейдоскоп жестоких сцен, а в сердце оставалось чувство восторга.

Всё кончено?

Она немного полежала в темноте, привыкая к реальности, а потом посмотрела на часы, стоявшие на кафельном полу рядом с кроватью. Часы показывали 5:37. Это было самое позднее, когда она просыпалась с тех пор, как поселилась в этом доме.

В галерее старого монастыря на соседней улице раздался собачий лай: два коротких тьяканья, сдавленный вой, а когда он оборвался – полная тишина. Анна приподнялась в постели на локтях и мгновение внимательно прислушалась. Она уже собиралась снова лечь, когда послышался хриплый шум двигателя и к дому медленно подъехала машина.

Она быстро поднялась и подошла к окну. Волна беспокойства прокатилась по её телу. Она приоткрыла одну из ярко-зелёных ставен, так что утреннее солнце прорезало сумрак комнаты тонким лучом, и посмотрела на улицу. За исключением кота, который лениво покачивал хвостом, сидя на стене заросшего внутреннего дворика у здания напротив, улица Труа Шапон была пустынна.

Взгляд Анны скользнул по соседним домам и остановился на окне на первом этаже одного из них. Оно было широко распахнуто. Она впервые увидела какие-то признаки жизни в этом занесённом пылью здании: обычно все окна там были закрыты. Казалось, что тёмная дыра в стене уставилась на неё, как глаз.

От страха у неё закололо пальцы и застучало в ушах.

Это он? Они нашли меня?

Она продолжала следить за происходящим на улице, укрывшись за ставнями, пока дыхание не выровнялось. Тогда она успокаивающе кивнула сама себе. Внизу никого не было. Никто не прятался в тени.

В целом вообще мало кто ходил по этой улочке. Улица Труа Шапон тянулась от церкви на площади до главной улицы города и была узкой и извилистой. Раскинув руки, можно было легко дотронуться до каменных стен по обе её стороны. Сладковатый смрад прозрачно намекал, что именно здесь бездомные кошки искали убежища по ночам. Они шныряли здесь в поисках компании, жалобно мяукая. Но вот людей Анна видела не особенно много. Не в этом закоулке.

Она закрыла окно и, обнажённая, поднялась по неровным каменным ступеням. На террасе на крыше она открыла кран, и садовый шланг заизвивался по плитке. Анна подобрала шланг и умылась под его струёй. От холодной воды тёплому после сна телу было больно, но она не обратила на это внимания.

Она отряхнула с себя воду и расчесала мокрые волосы руками. Затем прижала кончики пальцев к впалым щекам и стала рассматривать своё отражение в стеклянной двери террасы. Она похудела. Не сильно – пожалуй, не больше чем на три-четыре килограмма, – но грудь стала меньше, на руках проступили вены, а лицо сузилось. Она не могла понять, на кого больше похожа: на ребёнка-переростка или пожилую женщину. В любом случае эти мысли заставили всё внутри её перевернуться.

Она надела платье из джерси и эспадрильи и спустилась на кухню, где нашла большой кусок багета и банку с вареньем из инжира. Она ела, стоя у окна и прислушиваясь к грохоту, доносившемуся с рыночной площади, где торговцы заканчивали устанавливать свои палатки.

Она отправила письмо вчера.

Анна ехала в Канны долгих три часа. Сначала она получила посылку «FedEx» в почтовом отделении на улице Мимон и, вернувшись в машину, тотчас же вскрыла пакет, чтобы убедиться, что деньги внутри. Затем бросила письмо в почтовый ящик и поехала обратно на улицу Труа Шапон. Через несколько дней она отправит ещё одно письмо. А потом ещё одно. А пока остаётся только ждать. И надеяться.

Съев последний кусочек багета, Анна надела кепку, взяла рюкзак и вышла из дома. Она дошла по главной улице до рынка, где и остановилась посреди палаток и торговцев, вбирая в себя жизненную энергию.

Вокруг маленького шаткого складного столика собралась кучка детей. На столике стояла картонная коробка, а в ней лежал козлёнок, ласкаемый роем нетерпеливых рук. Крепкий мужчина в комбинезоне втиснулся между парой мальчиков-близнецов и сунул бутылочку с соской в рот козлёнку, а тот с благодарностью стал жадно пить. Свободной рукой мужчина протянул пластиковую корзинку родителям, которые улыбались восторгу своих детей. Они неохотно выудили из карманов несколько монет и побросали их в корзину. Мужчина машинально поблагодарил и тут же вытащил бутылочку изо рта голодного козлёнка, так что молоко брызнуло во все стороны.

Анна долго стояла, наблюдая за тем, как этот отвратительный человек проделывает одно и то же снова и снова. Она уже собиралась пойти и отобрать у него бутылочку, когда её взгляд упал на пожилую пару, сидевшую под небесно-голубыми глициниями в кафе на противоположной стороне улицы. Лысый мужчина в кислотно-жёлтом поло был увлечён чем-то, напоминавшим круассан на сливочном масле. Внимание Анны привлекла рубашка мужчины, но взгляд её остановился не на нём, а на маленькой круглощёкой даме за соседним столиком.

Во что была одета дама, Анна не заметила. Она видела только камеру, которую та держала перед собой, и удивлённый взгляд, устремлённый прямо на неё.

Анна повернулась, сдерживая шаг, дошла до ближайшего угла улицы и завернула за него. А потом побежала.

2

– Это не то же самое. Даже *близко* не похоже! – детектив Эрик Шефер недоверчиво посмотрел на свою коллегу, сидевшую по другую сторону стола.

Они с Лизой Августин работали вместе уже почти год, и ни дня не проходило без дружеских, но весьма жарких споров то о ведении дела, а то и о чём-нибудь менее важном. Сегодняшний день не был исключением.

– Ну всё, хватит, – ответила она. – Ты просто из другого поколения, по-другому воспитан и поэтому привык думать иначе. Общество нам всем промыло мозги, чтобы мы считали одно совершенно нормальным и социально приемлемым, а другое записывали в ту же категорию, что и растрату государственных средств или непредумышленное убийство. На самом деле нет никакой разницы – просто мы по необоснованным причинам стали считать, что она есть.

Августин доказывала свою точку зрения, размахивая половиной бутерброда с индейкой, который доедала.

– Хорошо, давай попробуем ещё разок, – сказал Эрик Шефер. – Ты говоришь, что секс и массаж – это одно и то же?

– Я говорю, что и то и другое – это физическое удовольствие очень интимного характера. Давай представим, что вы с Конни оба забронировали сеанс массажа.

– Идея показалась Шеферу более чем маловероятной.

– У тебя массажист – женщина, у неё – мужчина. Каждого из вас проводят в маленькую слабоосвещённую комнатку, где стоит нечто, похожее на кровать. Вы снимаете одежду и позволяете совершенно незнакомому человеку водить смазанными маслом руками по вашему обнажённому телу. Пахнет розовым маслом, играет приятная медитативная музыка, и вы лежите отдельно друг от друга и думаете: «О, отлично, продолжай, да, вот тут, чёрт, как хорошо».

– У тебя на подбородке горчица. – Шефер сухо посмотрел на неё и показал на жёлтое пятно.

Она вытащила скомканную салфетку из пакета с постером фильма «Бульвар Сансет» и вытерла подбородок, продолжая аргументацию.

– После этого вы встречаетесь, оплачиваете счёт и рассказываете друг другу, как вам было хорошо. Вы чувствуете себя прекрасно как никогда, и ни один не обвиняет другого в том, что его физически удовлетворил незнакомец. Боже мой, да, наоборот, вы сходитесь на том, что следовало бы делать это почаще.

Она подняла руки и пожала плечами, подчёркивая, что нужно быть совершенно безграмотным, чтобы не понимать очевидных вещей.

Шефер хлопал глазами.

– То есть ты считаешь, что массаж должен быть запрещён так же, как и секс с кем-то, кроме своего партнёра?

– Нет, чёрт побери, Шефер. Я имею в виду, что и то и другое должно быть одинаково законно.

Эрик Шефер вытаращил глаза.

– Это научно доказано, – продолжала она. – Если бы в отношениях было меньше ограничений, это увеличило бы удовлетворённость браком и люди были бы гораздо менее склонны к разводам. В частности, если бы жёнам позволялось развлекаться с кем-нибудь помимо их собственных мужей.

– Сколько же в тебе дерьма!

Августин громко рассмеялась.

– Это просто потому, что у тебя мозг как у мужчины, – продолжил Шефер, намекая на то, что Лиза Августин в свои 28 лет уложила в постель больше женщин, чем он за свою почти вдвое более долгую жизнь.

– Ты мне не веришь?

Она сделала пол-оборота в офисном кресле и начала стучать по клавиатуре, чтобы найти подтверждение своим словам, когда зазвонил телефон Шефера.

– Спасён звонком¹, – засмеялся он, поднимая трубку. – Алло?

– Добрый день, тут какая-то женщина хочет с тобой поговорить.

Шефер узнал голос одного из дежурных на первом этаже полицейского участка.

– Как её зовут?

– Она отказывается называть своё имя.

– Отказывается? – спросил Шефер. – Что это, чёрт возьми, значит?

Августин перестала печатать и с любопытством взглянула на него.

– Говорит, что у неё есть что-то важное для тебя. Что это касается одного из твоих дел об убийстве 2013 года.

Шефер регулярно получал электронные письма и телефонные звонки от людей, которые считали, что могут помочь следствию информацией, но чтобы кто-то заявлялся в участок – это было редкостью. И ещё реже заходила речь о таких старых делах.

– Хорошо, попроси кого-нибудь из охранников проводить её на третий этаж в комнату для допросов № 1.

Он повесил трубку и встал.

– Кто это был? – спросила Августин, кивком привлекая его внимание к пуговице брюк, которую он незаметно расстегнул под столом за завтраком, чтобы освободить место для живота.

– Моя жена, – ответил Шефер. Он втянул живот и застегнул штаны. – Она только что покувыркалась с садовником, поэтому считает, что я тоже заслужил массаж. Массаж головы. И массажистка уже поднимается.

---

¹ Отсылка к старым правилам бокса, когда звук гонга останавливал счёт, а на восстановление боксёру давалась минута.

3

Пять дней подряд сентябрьские дожди проливались на Копенгаген неуловимыми, почти бесшумными лучами. Лето, которое уже давно закончилось, было в этом году более серым, чем обычно, и казалось, что времена года просто сменились одной длинной, грязной осенью.

Элоиза Кальдан закрывала окно на кухне, по раме которого стекала вода, когда её мобильный телефон зажужжал на обеденном столе. Он почти непрерывно звонил по выходным. На этот раз на экране высветился неизвестный номер, поэтому она отклонила звонок и бросила тёмно-зелёную капсулу в кофемашину «Nespresso». Машина тут же брызнула чёрным как смоль лунго.

Из гостиной был виден большой изумрудно-зелёный купол Мраморной церкви. Старая квартира в мансарде углового дома на улице Ольферта Фишера не была ни просторной, ни привлекательной, когда она стала вкладывать в неё средства в своё время. Тогда там не было даже душа, а старая кухня, теперь любимое место Элоизы, была прямо-таки отвратительной. Но с маленького балкона гостиной открывался вид на Мраморную церковь, а это был один из немногих критериев, которые она указала агенту по недвижимости: купол должен был быть виден хотя бы из одного окна.

В детстве, когда Элоиза проводила выходные с отцом, этот купол был их местом. Раз в две недели в субботу они ходили есть пирожные со взбитыми сливками и пить горячий шоколад в «Кондитори Ля Гляс», там отец объедался тортом «Отелло» и очаровывал официанток, прежде чем пойти с Элоизой по улице Бредгаде к церкви. Там они поднимались по винтовой лестнице и проходили по скрипучим половицам под перекрытиями крыши, чтобы занять одну из скамей на галерее.

Взявшись за руки, они любовались видом Копенгагена, иногда укрытого снегом, иногда купавшегося в солнце, но в основном просто серого и ветреного. Отец показывал Элоизе исторические здания и рассказывал длинные, захватывающие истории о датских королях и королевах. Она слушала, и глаза её громко говорили, что он самый милый и самый умный человек на свете, а ещё каждый раз он учил её трём новым словам, которые она должна была практиковать до их следующей встречи.

– Так, сейчас посмотрим, – говорил он, послушав указательный палец и делая вид, что вдумчиво листает невидимый справочник. – Ага! Сегодняшние слова – «вертопрах», «барокко» и... «роскошный».

Затем он объяснял значения этих слов и приводил примеры забавных контекстов, в которых их можно было использовать, а Элоиза бессознательно впитывала знания. Ей нравились эти минуты наедине с отцом на куполе церкви, и именно там, прижавшись к его толстому животу, плывя в потоке слов, она впервые заинтересовалась искусством рассказывать истории. В первой квартире Элоизы, куда она переехала ещё совсем молоденькой, вид на купол открывался из окна спальни. Со временем он стал для неё талисманом, напоминанием о безопасном и наполненном смыслом детстве. Это была одна из тех вещей, по которым Элоиза больше всего скучала, когда оказывалась вдали от дома.

Но у неё редко получалось заглядывать в Мраморную церковь утром в понедельник. Обычно в это время она была на редакционном собрании в газете, где обсуждались главные темы недели и планировались очередные расследования.

Обычно, но не сегодня.

На кухонном столе лежали утренние газеты. Первую полосу каждой из них занимало дело Скривера.

Она открыла вторую страницу газеты «Demokratisk Dagblad», где работала последние пять лет, и прочитала заголовок. Главный редактор Миккельсен выражал сожаление по поводу

статьи, опубликованной несколькими днями ранее, о причастности гиганта моды Яна Скривера к экологической катастрофе на текстильной фабрике в Бангалоре, где использовали труд несовершеннолетних. «Мы были слишком доверчивы в погоне за истиной», – писал он. Это было пафосное, хорошо срежиссированное умывание рук, единственной целью которого было придать газете честный и нейтральный вид, а прежде всего – снять с себя ответственность.

Это было вполне справедливо. Это была ответственность не главного редактора – это была её ответственность. Это она написала ту статью, это она опиралась на некий источник в правительстве и позволила чувству, похожему на доверие, победить профессиональную дотошность.

Как, чёрт возьми, она могла быть такой глупой? Почему она не перепроверила информацию дважды, трижды? Почему она просто поверила ему?

Мобильный телефон снова начал вибрировать. Этот номер она сбросить не могла. Она подождала, пока телефон прозвонит три раза, и ответила усталым голосом:

– Кальдан, слушаю.

– Привет, это я. Ты что, спала? – Голос Карен Огорд, её редактора, звучал на другом конце провода слегка напряжённо.

– Нет, с чего ты взяла?

– Голос какой-то хриплый.

– Нет, я давно встала.

Элоиза не спала большую часть ночи и допила остатки белого вина, которое они с Гердой открыли днём. Она прокручивала в голове каждую деталь произошедшего, пытаясь представить себе чёткую общую картину. Однако, как она ни старалась, всё оставалось туманным и размытым. А может, ей просто не нравилось то, что она видела? Она, журналист – очень способный журналист, – и вдруг такая ужасная ошибка. Это совсем на неё не похоже. Она была страшно зла и на себя, и на него.

– Я знаю, что ты хотела взять выходной сегодня, – сказала Карен Огорд, – но Лопата хочет тебя видеть.

Карл-Йохан Скоул, скользкий, похожий на садового гнома тип, более известный в редакции как «Лопата», занимал в «Demokratisk Dagblad» должность специалиста по связям с общественностью и рассматривал жалобы на ошибки в газетных статьях. Если он постучался в твою дверь – значит, впереди длинный день, иногда – длинная неделя, а в худшем случае – завершение карьеры.

– Опять?

Элоиза закрыла глаза и откинула голову. Мысль о том, что придётся снова в подробностях обсуждать дело Скривера, была невыносима. Они делали это уже три раза.

– Да, тебе нужно прийти, чтобы мы наконец могли покончить с этим. Он хотел бы задокументировать ещё несколько мелочей, чтобы можно было работать дальше. Это и в твоих интересах.

– Буду через пятнадцать минут, – сказала Элоиза и повесила трубку.

Она сняла чёрную кожаную куртку с крючка в прихожей, пнула большую кучу рекламных брошюр, лежавших на коврикe, и захлопнула за собой входную дверь.

Офис «Demokratisk Dagblad» располагался на улице Сторе Страндстредe в здании, носившем статус памятника архитектуры, и его старомодный монархический облик соответствовал консервативному профилю газеты. В здании были высокие сводчатые потолки, обои ручной работы на стенах и настолько тонкие стёкла в старых окнах с декоративной раскладкой, что зимой Элоиза постоянно тряслась от холода.

Она оставила велосипед у офиса и поздоровалась с парой молодых парней из отдела продаж, которые сидели на противоположной стороне улицы на скамейке возле кафе и курили,

укрываясь под навесом от дождя. Чёрный парус тяжело простирался над ними. Он был до краёв наполнен водой, и дождь потоком стекал вниз по металлическим оттяжкам. Элоиза стояла и смотрела на ткань паруса, ожидая, что он вот-вот лопнет над их головами.

Один из парней ответил на её приветствие смешком: «Эй, Кальдан, ну что там?»

Сосед наклонился к нему, не сводя глаз с Элоизы, и прошептал что-то, что заставило их обоих рассмеяться. Она отвернулась, провела пропуском по электронному считывателю справа от входной двери и ввела личный код. Дверь издала жужжащий механический звук и медленно открылась.

Элоиза решила подняться в редакцию по лестнице и взбежала на четвёртый этаж, прыгая через две ступеньки. Карен Огорд уже ждала её на лестничной площадке. У них всегда были хорошие отношения – здоровые и крепкие рабочие отношения, – и Элоиза уважала её как журналиста и как человека. Однако эти отношения никогда не были доверительными. Элоиза знала, что Огорд замужем, что она живёт в Хеллерупе и что её сын служит в армии, но, помимо этого, не имела никакого понятия о её частной жизни. Как и редактор – о её. Это был тот уровень близости, который идеально ей подходил – особенно сегодня.

– Дай угадаю: ты не веришь в зонтики, в этом дело? – Огорд вопросительно смотрела на мокрую одежду Элоизы.

Элоиза улыбнулась и слегка отряхнулась от дождя.

– Нет, я ещё не настолько взрослая.

– Полагаю, ты читала сегодняшнюю колонку главного редактора?

– Да.

– И?

Элоиза пожала плечами.

– А что ещё Миккельсену оставалось написать?

– В этом ты, может, и права, конечно. Но он был чертовски зол, когда я разговаривала с ним на днях. Если бы не тот факт, что именно ты сделала в этом году столько крупных расследований для нашей газеты, то, думаю, тебя бы выгнали. Честно говоря, я всё ещё не уверена на сто процентов, что тебе удастся оправдаться.

– Спасибо, это были именно те ободряющие слова, в которых я так нуждалась. – Элоиза открыла дверь в опенспейс. – После вас, шеф.

– Тебе ведь больше нечего рассказать, кроме того, что ты уже рассказывала? Я имею в виду, нет ли чего-нибудь такого, что мог бы накопать Лопата и о чём я не знаю?

– Например?

– Не знаю, чего угодно, что выставило бы тебя в ещё худшем свете, чем раньше. И, должна сказать, короткое «нет» очень бы меня устроило. – Карен Огорд посмотрела на неё поверх роговой оправы очков.

Смутные образы обнажённых тел, влажной кожи и солёных поцелуев пронеслись перед внутренним взором Элоизы, как слайд-шоу. Она была готова идти на эту встречу, потому что ей совсем не нравилось быть автором провального расследования. Но она не хотела раскрывать подробностей своей личной жизни. Не только потому, что это не касалось её начальства. Она была ещё и попросту слишком горда, чтобы признать, что доверяла Мартину.

– Нет, – сказала она, успокаивающе положив руку на плечо редактора. – Больше ничего. Не пора ли уже покончить со всем этим? Где Лопата?

– Должен быть здесь.

Карен Огорд заглянула в большую переговорную в середине коридора. Там никого не было.

– Он был за рулём, когда звонил мне, так что, возможно, ещё не доехал. Налей себе пока чашечку кофе, только никуда не уходи. Я дам тебе знать, когда он приедет.

По пути к редакционной кухоньке Элоиза прошла мимо стойки с почтой. Со временем в её ящичке почти перестало что-то появляться, но сегодня её ждала целая пачка писем.

Она отнесла письма и чашку растворимого кофе на своё место в закутке, где сидели занимавшиеся расследованиями журналисты, закинула обе ноги на стол и открыла первый конверт. Внутри была толстая пачка бумаги – девять мелко исписанных страниц с возмущениями по поводу использования детского труда в Индии. Письма номер два и три были на ту же тему, в то время как в четвёртом лежал маленький жёлтый стикер, на котором было всего одно слово: «Шлюха!»

– Боже, как оригинально, – сказала она, показывая записку своему коллеге Могенсу Бётгеру, который сидел по ту сторону их общего двойного стола.

Он оторвал глаза от блокнота и в ответ только безэмоционально поднял брови.

Элоиза смяла стикер вместе с конвертом, в котором он пришёл, и бросила ком бумаги в мусорную корзину на другом конце комнаты. Он приземлился на неровный паркет с узором ёлочкой в полтора метра от цели.

– Вот это у тебя отлично получается. – Могенс Бётгер одобрительно кивнул. – Можно использовать как план Б, если Миккельсен тебя выгонит.

– Он этого не сделает.

– Тебе не стоило бы быть такой уверенной.

– Он не уволит меня, – повторила Элоиза.

Она взяла следующий конверт из стопки и начала вскрывать его указательным пальцем.

– А её вот выгнал взащей, – нараспев проговорил Бётгер, имея в виду бывшую коллегу, которую только что уволили за сфабрикованный источник. Это увольнение прогремело на всю газету и оставило главному редактору Миккельсену на память покрасневшие глаза – так он тогда был зол.

– Она, блин, заслуживала увольнения. Это совсем другое. А я была честна. Я не говорю, что не поступила бы иначе, если бы могла отмотать время назад – все мы задним умом крепки, и всё такое, – но мы с Миккельсеном, мы... – Элоиза покачала головой. – Он не уволит меня.

Она развернула следующее письмо и начала читать. По ту сторону стола Бётгер продолжал что-то говорить, но звук его голоса растворился в холодном неприятном ощущении, охватившем всё её тело.

Письмо было коротким.

В нём было лишь несколько коротких строк с аккуратно выведенными словами, но во рту у Элоизы пересохло, и холодное чувство, будто шипя, начало расползаться у неё в груди.

Голос Бётгера зазвучал спустя секунду после того, как она поняла, что задержала дыхание.

– ...но не нужно пугаться...

– Могенс, – прервала она. – Это ты освещал историю, которая случилась несколько лет назад на севере? Убийство адвоката?

– Что, прости? – Он непонимающее посмотрел на неё, но медленно выпрямился на стуле, увидев, как серьёзно она смотрит на него. – О ком речь?

– Ну этот адвокат, которого убили. Где это было – в Коккедале? В Хёрсхольме? Или где-то там ещё на севере? Как его звали?

– Моссинг. Это было в Торбеке. Ты об этом?

– Ты освещал эту историю?

Могенс Бётгер из группы журналистских расследований специализировался на криминальных и общественных событиях, в то время как сама Элоиза отвечала за экономику и потребление и редко касалась тяжких преступлений.

– Нет, тогда я ещё был в газете «Nyhederne». Этим, должно быть, занимался Ульрик, он тогда здесь работал. А что?

– Как её звали? Ту, которую подозревают в этом убийстве?

– Анна Киль. И её не просто в этом подозревают. Она виновна. Она попала на запись камеры видеонаблюдения у подъезда к дому Моссинга, когда покидала место преступления. И под «попала» я имею в виду «несколько минут смотрела прямо в камеру, прежде чем скрыться, даже не попытавшись её сорвать или разбить». В крови с головы до ног, спокойная, как удав. Просто стояла, глядя в камеру, не меняясь в лице. Дичайшая психопатка.

– Где она сейчас?

– Не знаю, её так и не нашли. А что?

Элоиза подошла к Бётгеру и положила перед ним письмо. Она склонилась над ним, пока они оба читали.

Дорогая Элоиза!

Ты когда-нибудь видела, как кто-то умирает, истекая кровью?

Это воистину исключительный опыт. По крайней мере, таковым он был для меня, но я ведь с нетерпением ждала этого в течение долгого времени.

Я знаю, они говорят, что я совершила преступление. Что теперь меня нужно отыскать, укротить и наказать.

Но я его не совершала.

Меня не отыщут.

Меня нельзя укротить.

Я уже наказана.

...и я ещё не закончила.

Я хотела бы сказать больше, но обещала не делать этого.

Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, Элоиза, то, по крайней мере, подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях.

Анна Киль

Бётгер с удивлением посмотрел на неё.

– Откуда ты, чёрт возьми, это взяла?

– Это было в моём ящике для писем.

– Ты её знаешь?

– Нет. Конечно, мне известно кое-что о расследованиях того времени, но нет, лично я с ней не знакома.

– Твою ж... – Он с силой почесал голову, и его крупные шатеновые кудри заколыхались из стороны в сторону. – Как ты думаешь, это имеет юридическую силу?

Элоиза пожала плечами.

– Может, кто-то просто пудрит тебе мозги, – сказал Бётгер. – Каких только странных писем я не получаю. Например, кто-то видел «Ягуар» в кемпинге Хвиде-Санде или кто-то знает, что кто-то похитил, а может, и не похитил Мэдлин Макканн. Знаешь, Элоиза, дураков полно. И это вполне может быть один из них. Теперь, когда ты в центре дела Скривера, твой почтовый ящик автоматически превратился в сливную яму для фриков.

Элоиза вернулась к своему письменному столу и посмотрела на конверт, в котором пришло письмо. Это был светло-голубой конверт среднего размера с почтовым штемпелем Канн одиннадцатидневной давности. То есть письмо было отправлено задолго до того, как чёртово дело Скривера вскрылось, поэтому действия отправителя точно нельзя было рассматривать как реакцию на последовавший за этим цирк в СМИ.

– Это бессмыслица, – сказала она, глядя на Бётгера. – Зачем писать мне, а не Ульрику, если это было его дело? Где, говоришь, он сейчас работает?

– Я на самом деле не думаю, что он работает. – Бётгер достал мобильный телефон и начал пролистывать контакты.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, он числится в газете «Ekspressen», но я слышал, что в прошлом году у него была депрессия или типа того и он ещё не оправился. По крайней мере, я давно не видел его подписи под статьями. Он освещал кучу тяжких преступлений, и у меня сложилось впечатление, что он неплохо умеет фильтровать такую информацию. Но видимо, работа его всё же добила. Но может, я... да, у меня есть его номер. Скинуть тебе?

– Да, пожалуйста.

Элоиза перечитала письмо.

Она включила свой рабочий компьютер и зауглила «Анна Киль». На экране появилось 238 результатов поиска. Она нажала на верхний – статью из их газеты от 24 апреля 2013 года, которая была и правда написана Ульриком Андерсеном.

Подозреваемая в убийстве опознана

Установлена личность женщины, которая с 22 апреля находится в розыске по подозрению в убийстве 37-летнего адвоката Кристофера Моссинга. Об этом сегодня сообщила полиция Копенгагена в пресс-релизе для агентства «Ritzau».

Предполагаемой виновницей преступления является Анна Киль, 31 года, подданная Дании. Женщина подозревается в убийстве адвоката Кристофера Моссинга в ночь на воскресенье, 21 апреля. Нападение с ножом было совершено в доме жертвы в Торбеке. Полиции неизвестно о нахождении иных лиц на месте преступления; также по данному адресу никто больше не зарегистрирован.

«Ничто не свидетельствует о том, что потерпевший и подозреваемая были знакомы, однако нам известно о наличии у последней давней истории психических заболеваний. Если вы при каких-либо обстоятельствах столкнётесь с ней, просим вас держаться на расстоянии и незамедлительно обратиться в полицию», – передаёт главный следователь по делу Эрик Шефер.

Приметы подозреваемой: скандинавская внешность, рост – 172 см, телосложение обычное, на момент преступления – длинные светлые волосы. Полиция Копенгагена убедительно просит граждан, которые могут предоставить информацию о местонахождении подозреваемой или иным образом помочь следствию, позвонить по телефону 114.

У.А., «Demokratisk Dagblad»

– Кальдан...

Элоиза оторвала взгляд от экрана компьютера. Карен Огорд стояла в конце коридора и махала ей.

– Идём, пора.

4

Детектив Эрик Шефер открыл дверь в комнату для допросов ногой, обутой в грязный ботинок. Ожидавшая внутри полная пожилая женщина сидела с сумкой на коленях у большого стола.

Она вежливо кивнула, когда он вошёл в комнату.

– Добрый день, – сказала она. – Вы – Эрик Шефер?

– Да. – Он протянул ей свою грубую руку, и женщина пожала её. – А вот вашего имени я не знаю.

– Мне обязательно называть его?

Шефер пожал плечами.

– Было бы несколько проще, если бы я знал, кто вы и зачем вы здесь.

– Это из-за мужа, – сказала она. – Он думает, что мне не нужно вмешиваться в это. Вы понимаете, он очень щепетильный человек, ну да, и он не хочет, чтобы мы впутывались в грязные дела. Так что я не сказала ему, что собираюсь сюда. Я не хочу, чтобы он знал, что я была здесь.

– Хорошо. Тогда позвольте мне сперва спросить, что привело вас сюда. – Шефер сел напротив женщины.

– Тот случай с адвокатом.

– С адвокатом?

– Да, тем симпатичным парнем, которого убили. На севере.

– Вы о Кристофере Моссинге?

– Да. Это ведь было ваше дело, не так ли?

– Да, оно всё ещё моё, – сказал Шефер. – С тех пор прошло несколько лет, но преступление не раскрыто.

– Была весна, моя сестра с мужем приезжали тогда, – кивнула женщина. – Я помню это, потому что мы ездили погулять в песчаных дюнах в Тисвильделе и по дороге домой мужчины зашли купить табаку для трубок в маленький продуктовый магазин рядом с туристическим офисом. Мы с сестрой стояли снаружи, поджидая их, и заголовки утренних газет на стеллажах перед входом в магазин пестрели ужасными подробностями этого убийства. Наверно, это продолжалось, и не один день. – Она задумалась и, казалось, потеряла нить повествования.

– Да, к сожалению, он закончил свои дни довольно жутко, бедняга Моссинг, – сказал Шефер. – Но я не совсем понимаю, к чему вы это рассказываете. Вы что-нибудь хотите сообщить о нём? – Он совершенно не привык к таким манерным разговорам.

– Я помню девушку, – сказала женщина. – Говорили, что это она убила его. В одной из газет была её большая фотография. Эту фотографию везде показывали следующие несколько недель, и в новостях по телевизору тоже. Это была как будто фотография из отпуска, она стояла в чём-то с короткими рукавами, а позади неё был красивый пейзаж. Я думаю, может быть, это был Большой Каньон. Вы помните?

Шефер кивнул.

У него была эта фотография в каталоге, хранившемся этажом ниже, там же, где лежали фотографии с места преступления, и среди них – изображения мёртвой головы Моссинга, которая после убийства была соединена с телом лишь несколькими сухожилиями, и всей этой крови.

Невероятно много крови...

– Я, помню, подумала, как же она грустна, – продолжала женщина. – Она стояла там, на солнце, улыбаясь фотографу, но что-то было в её глазах, как будто они были... *погасшими*.

Может быть, это я себе только вообразила, но, по крайней мере, она произвела на меня такое впечатление. – Женщина нервно потёрла ручку своей светло-коричневой сумки.

Шефер кашлянул и собирался попросить её перейти к делу, когда она снова подняла глаза.

– Думаю, я её видела. – Она подняла руку ко рту, словно удивившись своим собственным словам.

Шефер помолчал несколько секунд, наблюдая за собеседницей.

– «Вы думаете, вы её видели»? – Он почувствовал, как его сердце забилось чаще. – Что бы это значило?

– Я *видела* её, – ответила она с большей уверенностью в голосе. – Она выглядела иначе, чем тогда. Волосы у неё были намного короче. Темнее. Но это было то же лицо, те же глаза. Это была она. Я уверена в этом.

– И где, вы говорите, вы её видели? – Шефер достал из внутреннего кармана блокнот и ручку и начал писать.

– Мы всегда проводим август и сентябрь у себя в коттедже.

– В Тисвильделе?

– Нет, в Провансе. У нас есть небольшой загородный дом под Сен-Реми, который мы купили, когда Уильям вышел на пенсию. – Женщина запнулась, спохватившись, что упомянула имя своего мужа.

Она испуганно посмотрела на Шефера.

– Я этого не слышал, – заверил он и подмигнул. Затем попросил её продолжать.

– У нас с мужем есть дом на юге Франции. Он у нас уже, да, лет двенадцать-тринадцать. Первые несколько лет мы больше интересовались окружающей местностью. В конце концов, знакомство с новым городом занимает некоторое время, даже если он не очень большой. Но в последние годы мы стали ездить на небольшие экскурсии в разные города соседних провинций. Развезаться.

– И вы думаете, что видели её на одной из экскурсий?

– Уил... Мой муж её не видел, её видела я. Мы поехали в маленькую деревню в часе езды к северу от Сен-Реми и сидели в кафе, наблюдали за горожанами, когда мой взгляд упал на эту женщину. Думаю, она обратила на себя моё внимание, потому что стояла в стороне ото всех и выглядела очень рассерженной. Ну, может быть, не *рассерженной*, но, по крайней мере, не особенно *радостной*. И когда я сидела и смотрела на неё, тут меня и осенило. Это была она. Та, кого вы ищете.

– Вы говорили с ней?

– Нет, она сразу ушла, и, к сожалению, я её больше не видела.

Затеплившаяся было у Шефера надежда начала угасать. То, что пожилая женщина на мгновение увидела кого-то похожего на Анну Киль в маленькой деревне у чёрта на рогах, он не назвал бы хорошей зацепкой.

– Всё произошло так быстро, – сказала она, словно прочитав его мысли, – и мне жаль, что вам трудно поверить в то, что я говорю. Но надеюсь, что вот это сможет помочь.

Она открыла замок на своей пухлой сумочке, вытащила из неё что-то и протянула ему.

Шефер приподнялся в кресле, чтобы взять это что-то, и почувствовал, как тёплая волна стремительно прокатывается по его телу.

Он держал в руке фотографию, в нижнем углу которой красными цифрами было обозначено, что фото сделано полторы недели назад. На фото группа детей и крупный мужчина стояли вокруг маленького стола. Чем именно они были заняты, Шефер не мог разглядеть, но все смотрели на картонную коробку в центре стола. Все, кроме одного человека. Это была женщина, стоявшая в нескольких метрах позади группы.

Она смотрела не в коробку, а прямо в камеру, так что у Шефера не могло быть никаких сомнений.

Это была она. Это была Анна Киль.

5

Карл-Йохан Скоул, также известный как Лопата, специалист по связям с общественностью, сидел за большим, бутылочного цвета столом для совещаний и листал толстую папку, когда Элоиза вошла в комнату. В конце стола главный редактор Миккельсен нервно теребил свою густую рыже-коричневую бороду. Он привстал в знак приветствия и махнул рукой в направлении стола.

– Входите, входите, – сказал он. – Давайте, друзья, закончим это шоу и будем спокойно жить дальше. В конце концов, у нас остаётся наша газета, и завтра она выйдет снова, и вообще я думаю, что мы уже достаточно поварились в этом всём.

Тон Миккельсена был добрым, почти весёлым, и Карен Огорд, которая села рядом с Элоизой, кинула на него быстрый взгляд, прежде чем обратить всё своё внимание на Лопату. Тот, казалось, не услышал в прозвучавших словах ни просьбы, ни радости.

– Да, садись, Илоиза. – Лопата неправильно назвал её имя, и Элоизе показалось, что он сделал это нарочно.

– «Э», – сказала она, – моё имя произносится Э-лоиза.

Лопата не поднял головы.

– Что ж, очень хорошо, что ты сразу же приехала.

– Конечно. Хотя, должна признаться, я удивлена, что мы опять сидим здесь, – Элоиза оглядела комнату, – мы уже несколько раз обсуждали эту историю, и мне нечего добавить.

– Ты уверена? Разве нет деталей, которые ты могла упустить из виду? Информации, которая может повлиять на моё решение? – Голос Лопаты был неожиданно мрачным и хриплым и плохо подходил его утончённой, почти девичьей внешности.

– Нет, я рассказала вам всё, что имеет отношение к делу.

– Хорошо, тогда я кратко подведу итог дела, как ты его описала, чтобы нам всем быть абсолютно уверенными, что я правильно тебя понял, прежде чем я напишу отчёт.

Элоиза скрестила под столом ноги и приготовилась слушать.

Лопата пролистнул в своей папке несколько страниц и прокашлялся.

– Согласно твоему заявлению, в июне этого года ты узнала об инвестициях Яна Скривера в «Cotton Corp.», которая является одной из крупнейших текстильных фабрик в Бангалоре, в Индии.

– Да, верно.

– В своей статье от 2 августа ты утверждаешь, что Скривер прекратил сотрудничество с «Глэсел Текстиль» в Вейле в это же время, и, таким образом, большая часть его производства была выведена за пределы страны. Это решение означало закрытие в общей сложности 850 рабочих мест для датчан и было с политической точки зрения... скажем так, «непопулярным».

– Можно так это назвать, да. Непопулярным для правительства и катастрофой местного значения для отдельно взятого района.

– 3 августа с тобой связался, я цитирую, «анонимный источник», который попросил тебя поближе рассмотреть дело, в частности, использование труда несовершеннолетних в «Cotton Corp.» и, что не менее важно, использование растительного компонента, разрушающего эндокринную систему, нонилфенолэтоксилата, более известного как НФЭ. Я правильно понимаю?

– Да.

– И это правда, что предметы одежды, изготовленные с использованием НФЭ, запрещено ввозить в Европейский Союз? – Лопата наконец поднял голову.

– Да.

– Кто этот источник?

– Я не знаю. Мне позвонили. На другом конце провода был мужской голос. Он дал мне наводку на некоторые факты, которые посоветовал изучить, но он не назваляся.

– Но у тебя есть предположения, кто это был?

– Предположения да. Но ничего конкретного. Как вы сами отметили, решение Скривера вывести производство из Дании было негативно воспринято в политических кругах, поэтому я легко могу предположить, что совет поступил оттуда. Но это только догадки.

– Хм... – Лопата задержал взгляд на Элоизе на несколько секунд, затем продолжил: – В своем исследовании ты воспользовалась внутренними конфиденциальными документами организации Скривера, включая выдержки из его контракта с «Cotton Corp.» Эти документы подтверждают твои утверждения, что на предприятии использовался детский труд и химические вещества, чей ввоз в ЕС нелегален.

– Верно.

– Документы, опираясь на которые ты написала свою последнюю статью.

– Да.

– Кто предоставил тебе эти документы?

– К сожалению, я не могу раскрыть эту информацию. Источник пожелал остаться анонимным, и я должна и имею право уважать это решение.

– Но тебе известна личность источника?

– Да, известна.

– И ты посчитала, что подлинность информации не вызывает сомнений?

Элоиза почувствовала сухость во рту.

– В то время у меня не было причин считать иначе. В последние годы я пользовалась этим источником в самых разных ситуациях, и его информация всегда была надёжной. Документы показались мне подлинными, и я решила опираться на те данные, которые получила.

– Что оказалось весьма поспешным решением, – отметил Лопата. – Так ты проводила расследование достаточно тщательно?

– Сейчас, оглядываясь назад, я могу сказать, что нет.

– И если ты столкнёшься с подобной ситуацией снова, то будешь ли проводить столь же одностороннее, дилетантское исследование или всё же подкрепишь свои выводы фактами? – Он поднял руки ладонями вверх, как бы показывая два варианта ответа, которые предлагал.

Элоизе хотелось протянуть руку и задушить его его же тонким неглаженным жёлтым галстуком. Но она только провела языком по пересохшим губам.

– Разумеется, в дальнейшем я буду стараться быть более внимательной. Никто не может гарантировать, что мы с тобой не встретимся здесь снова, и я тоже не могу. – Она состроила ему гримасу, очень отдалённо напоминавшую улыбку.

– Хорошо. Значит, разговор окончен. – Главный редактор Миккельсен на другом конце стола радостно хлопнул в ладоши, словно давая окружающим понять, что все требующиеся слова уже прозвучали, и начал вставать. Элоиза в отличие от Карен Огорд не была удивлена столь необычной для него сговорчивости. Несколькими месяцами ранее после долгого рабочего дня она неторопливо шла по набережной вдоль череды домов, чтобы затем пройти насквозь территорию замка и выйти к Мраморной церкви. Это был один из первых ясных тёплых летних вечеров, и она прошла уже половину парка Амалиенбург, когда увидела их.

В самом тёмном углу сада наполовину скрытые большим вишнёвым деревом сидели, сплетаясь в объятиях, главный редактор Миккельсен и молодая сексапильная брюнетка – явно не его жена.

Звук шагов Элоизы заставил его поднять глаза, и их взгляды на мгновение встретились, после чего она отвела глаза и пошла прочь из сада.

Но она знала, что она видела.

А он знал, что она знала.

И если сейчас её карьера была под угрозой, Миккельсен не мог не помочь ей.

– Нет, у меня больше нет вопросов, – сказал Лопата, демонстративно захлопывая свою папку. – А, подожди минутку. Источник, который дал тебе документы... Это был начальник отдела коммуникаций в Министерстве бизнеса Мартин Дюваль?

Элоиза сидела совершенно неподвижно в своем кресле.

Некое подобие улыбки изобразилось на лице Лопаты.

– Как я уже сказала, я не могу раскрыть свой источник в этом деле, – сказала Элоиза. – Я уверена, что ты, занимаясь вопросами этики в прессе, можешь понять это лучше, чем кто-либо другой.

– Ну, тогда позволь мне спросить тебя вот о чём... – Он снял очки для чтения, осторожно сложил дужки и положил очки на стол перед собой. – Каковы твои личные с ним отношения?

Элоиза открыла рот, но не произнесла ни звука. Она пристально посмотрела на Миккельсена, и, прежде чем она успела что-то сказать, он поднялся из-за стола. Глаза его были темны от гнева, а на высоком лбу выпирала вена.

– Спасибо, Лопата, достаточно. – Он практически выплевывал слова. – Личная жизнь Элоизы Кальдан не обсуждается.

Карен Огорд медленно закрыла дверь своего кабинета и повернулась к Элоизе.

– Что... вообще... это было?

– Ты имеешь в виду ту странную технику, стаккато? – Элоиза вытащила из кармана пачку жевательной резинки. – Не знаю, но, может быть, тебе стоило бы её попробовать. Звучит сильно.

Огорд подошла и тяжело опустилась в кожаное кресло, которое стояло в углу комнаты. Она обречённо опустила руки.

– Ты думаешь, это забавно? – Её тон был не раздражённым, а скорее удивлённым.

– Нет, я, слава богу, таким не занимаюсь, – сказала Элоиза, садясь напротив своего редактора. – Ну, что ты хочешь, чтобы я сказала? Я допустила ошибку, я прямо признаю это, больше этого не повторится. Так что теперь решайте, отправить ли меня ещё какую-то работу делать или отпустите уже домой.

Она положила в рот две подушечки «Стиморол» и протянула оставшуюся пачку Огорд, которая нерешительно взяла её.

– Хм... Просто мне показалось, что между тобой и Миккельсеном что-то произошло, о чём я, наверное, не должна знать.

– Это не так.

– Между тобой и Миккельсеном произошло что-то, о чём я *ни в коем случае* не должна знать?

– ...Нет.

– Кальдан?!

– Это не так! – Элоиза подняла перед собой руки.

– Хорошо, хорошо. Так уж и быть, я тебе, пожалуй, поверю.

Карен Огорд мгновение барабанила пальцами по кофейному столику, задумчиво глядя на Элоизу. Элоиза широко улыбнулась, и она с деланным раздражением махнула на неё рукой.

– Ладно, ладно, тебе просто повезло. Так у тебя есть чем заняться сейчас или нам просто собрать группу и провести очередную редакционную встречу?

Элоиза инстинктивно подняла руку к внутреннему карману куртки, где лежало письмо.

– На самом деле я только что получила запрос, который хочу изучить получше.

– От кого?

– Пока не знаю. Мне нужно время разобраться и понять, есть ли в нём что-то стоящее.

– Хорошо, иди тогда. И не забывай держать меня в курсе, хорошо?

Когда Элоиза вернулась на своё редакторское место, Могенса Бётгера за столом не было. С противоположной стороны заходили коллеги из других отделов и занимали свои места в опенспейсе, и Элоиза чувствовала на себе их взгляды, слышала вопросы, которые они безмолвно задавали себе и друг другу:

Что она здесь делает? Разве её не отстранили? Что, чёрт возьми, произошло?

Она уселась поглубже в офисное кресло, чтобы их лица исчезли за низкой перегородкой, и набрала номер исследовательского отдела на первом этаже.

Она слушала гудки, пока, наконец, в трубке не послышался голос её любимого коллеги Мортена Мунка, разгульного человека с вечно блестящим от пота лицом.

– Какого чёрта, Кальдан, ты здесь? Я думал, что тебя арестовали.

Мунк, как всегда, говорил хрипло и задыхался, хотя ничем таким, что могло бы подорвать его сердце, он не занимался.

– Ах, ты меня знаешь, – с нежностью ответила Элоиза. – Я не могу остаться в стороне, а Миккельсен не может обойтись без меня. Кстати, а я – без тебя.

– Touché, ma chérie². Чем обязан такой чести?

– Ты сейчас на своём месте?

– Ну а где же ещё?

– У тебя есть время поискать для меня кое-какую информацию?

– О деле Скривера? – Это прозвучало в равной степени воодушевлённо и скептически.

– Нет, с ним я закончила. Тут совсем другое. Тебе говорит о чём-нибудь имя Анна Киль?

– Ты ещё спрашиваешь! А что там с ней?

– Мне нужно всё, что ты сможешь найти. Обе статьи, которые мы опубликовали у себя в газете, посты из других СМИ, справочная информация, всё, что к ней относится.

Мунк замолчал на другом конце провода, и Элоиза услышала, как шариковая ручка скребёт по бумаге.

– О'кей, начну прямо сейчас. Я напишу тебе, когда у меня что-нибудь появится. Это не должно занять много времени.

Уже через десять минут первые документы начали приходить на почту Элоизы. Вместо того чтобы прочитать их сразу, она засунула свой ноутбук в сумку, перекинула её через плечо и вышла из редакции. Ей нужен был воздух. Нужно было поработать без чужих взглядов в спину и, что не менее важно, как следует подкрепиться.

Дождь на улице прекратился, и она не стала брать велосипед, а быстро пошла пешком мимо французского посольства к «Бистро Роял» на площади Конгенс Нюторв; в этот ресторан она обычно ходила по пятницам на ланч. Был понедельник, ну не важно. Сегодня всё было не так, как обычно.

Менеджер ресторана был спокойный и душевный человек. Он тепло поприветствовал её.

– Вот и моя любимая журналистка, – сказал он, целуя её в щеку.

Элоиза подозревала, что он никогда не читал ничего из того, что она писала, но всё равно ценила его приветливость.

– Во всяком случае, голодная журналистка, – сказала она с улыбкой.

– Вы сегодня одна или...

Он протянул два картонных меню. Последние несколько раз, когда она приходила сюда, они были вместе с Мартином. Последний раз, не далее как полторы недели назад, они провели весь вечер за барной стойкой, ели мидии и пили шардоне. В тот раз они говорили не о работе. Она несколько раз пыталась перевести разговор на Скривера, но он останавливал её.

---

² Тронут, моя дорогая (*фр.*).

Да перестань ты, Эло. Я не собираюсь говорить сегодня о работе. Мне бы хотелось поговорить о тебе.

Она только покачала головой и с улыбкой посмотрела на него, так что он начал рассказывать о себе. О своём детстве, своих родителях, своей первой большой любви и разводе.

Она не хотела детей, а я хотел. Я всё ещё их хочу. Всё закончилось безобразно. Всегда же всё так заканчивается?

После ужина они поехали домой вместе, и там он взял её грубее, чем она ожидала и чем ей хотелось бы. Она позволила ему это сделать и, к своему удивлению, получила от этого наслаждение. Но и испугалась тоже.

Элоиза улыбнулась дружелюбному менеджеру:

– Я сегодня одна.

Ей выделили один из лучших столиков ресторана с видом на Конгенс Нюторв, и она заказала креветки и бутылку несладкой газированной воды. Затем взяла свой компьютер и открыла первое письмо, которое Морген Мунк прислал после того, как Элоиза вышла из редакции.

В течение следующих полутора часов она ела, читала и делала заметки. Когда с этим было покончено, она позвонила своему бывшему коллеге Ульрику Андерсону.

– ...Алло?

– Да, привет, это Ульрик?

– Кто спрашивает?

– Это Элоиза Кальдан, из «Demokratisk Dagblad».

– Кальдан? Ну да. Сколько лет. В чём дело?

Был полдень, но Элоиза почувствовала, что разбудила его. Наступила пауза, она услышала, как щёлкает выключатель, затем послышался шипящий звук и хлопнуло сиденье унитаза.

– Извини, если я не вовремя, но думаю, мне нужна твоя помощь.

– Моя помощь? – Струя, выстрелившая в унитаз, почти заглушила его голос. – В чём?

– Ну, я сейчас вроде как занялась освещением той истории, которая раньше была твоей. Поэтому решила проверить: вдруг мне удастся убедить тебя помочь мне заполнить некоторые пробелы?

На другом конце трубки была тишина, поэтому Элоиза продолжала:

– Речь об убийстве местного адвоката в Торбеке. Кристофера Моссинга. Я только что прочитала все статьи, которые ты написал о деле, и хотела бы услышать немного больше о том, кто...

– Я не могу помочь тебе с этим. – Его голос прозвучал холодно и резко.

– Ну, разговор не больше чем на полчаса. Я угощу тебя чашечкой кофе, закончим быстро. Мне просто нужно знать, говорил ли ты тогда...

– Извини, но я не могу тебе помочь. – Ульрик Андерсон повесил трубку.

Элоиза посмотрела на телефон.

Она снова позвонила, но он не ответил. В третий раз она звонила ему до тех пор, пока не заговорил автоответчик.

«Привет, Ульрик, это снова Элоиза Кальдан. Я просто хотела сказать тебе, что получила письмо от Анны Киль, и я подумала, что ты хотел бы прочитать его. Позвони мне».

Ей было трудно представить, что журналист, который всю жизнь разве что на завтрак не ел криминальные истории, сможет проигнорировать такое сообщение.

Конечно, он позвонит.

Она аккуратно развернула письмо, стараясь как можно меньше прикасаться к нему, и положила на стол перед собой. Вероятно, она уже стёрла все отпечатки пальцев, но всё равно старалась быть аккуратнее. Если письмо было подлинным, держать его у себя было незаконно. Но она не хотела говорить о нём полиции.

Пока что.

Работа Элоизы заключалась в том, чтобы находить и рассказывать людям истории, и она знала, что если расскажет о письме, то больше никогда его не увидит. Полиция её и близко не подпустит к расследованию. Такое вот «сотрудничество». С полицией редко когда получалось Quid Pro Quo³. Но, насколько она могла судить по новостям в СМИ, последний раз это дело освещалось давно, и письмо могло стать первым новым следом за долгое время.

Она должна была сообщить о нём.

Она просмотрела свои записи, чтобы найти имя полицейского, которое встречалось несколько раз в статьях, где говорилось о главе расследования.

Она написала в своей тетради «Эрик Шефер, Отдел по расследованию преступлений полиции Копенгагена» и дважды подчеркнула эти слова.

Затем попросила счёт.

---

³ Услуга за услугу (*лат.*).

6

Если Элоизе не нужно было ехать куда-то или идти на утренние редакционные собрания, она не заводила будильник. В будние дни колокола Мраморной церкви всегда звонили в 8, и их звука было достаточно, чтобы разбудить её. Сколько она себя помнила, она всегда спала чутко и беспокойно.

Вот и сегодня она свесила ноги с кровати с первым ударом колокола, хотя большую часть ночи провела без сна – составляла каталог из сведений, добытых Мунком, и, наверно, запросто могла бы проспать ещё несколько часов.

Она посмотрела на мобильный, лежавший на тумбочке: Мартин пытался дозвониться ей в 4 утра. Он также прислал три одинаковые эсэмэски:

Перезвони мне!

Ещё было сообщение от Герды с сердечком. Элоиза отправила ей смайлик с поцелуем, потом включила на телефоне беззвучный режим и пошла босиком через гостиную в ванную комнату. Она внимательно оглядела множество документов и записок, которые разложила ночью на полу в хронологическом порядке.

Быстро приняв душ, она села за дубовый столик в гостиной, где, кутаясь в махровый халат, принялась за большую порцию овсянки с изюмом и корицей и утренний кофе.

Элоиза перечитывала резюме проделанной за ночь работы, когда зазвонил домофон. Было слышно, что звонок срабатывал и у соседей.

На экране, который показывал картинку с улицы, виднелась макушка лысеющего мужчины.

– Да? – сказала она в домофон.

– Газеты, – ответили ей с сильным арабским акцентом.

Элоиза нажала на кнопку домофона и впустила газетчика в подъезд. Он сразу зашаркал вверх по лестнице, оставляя почту на каждом этаже. Одна за другой со скрипом открывались почтовые щели в дверях.

Она посмотрела на кучу старых рекламных объявлений, которые скопились у двери за неделю. Затем подняла их с пола и собиралась просмотреть пачку на предмет какого-нибудь очередного буклета из мясной лавки или сводки районных новостей, когда услышала, что газетчик уже поднялся на шестой этаж и стоит перед её дверью. Почтовая щель открылась, в ней показалась реклама продуктового магазина «Фётекс» и мягко приземлилась на грязный придверный коврик. Элоиза ожидала услышать, как газетчик станет быстро спускаться вниз по лестнице, но ничего не было слышно. Она осталась у входной двери и несколько секунд прислушивалась.

Тишина.

Тогда она бросила рекламу, которую держала в руках, и распахнула дверь.

На верхней ступеньке лестницы перед её дверью сидел невысокий мужчина средних лет и примерял мятного цвета кроссовки «Найк Эйр», которые Элоиза оставила за дверью два дня назад после пробежки по крепости Каstellлет. Он замер неподвижно с кроссовкой в руках и, казалось, думал, что если не будет шевелиться, то его не заметят.

– Кхм... – произнесла Элоиза и смущённо улыбнулась. Ей стало как-то неловко за этого человека. Она собрала воротник халата рукой, чтобы он закрыл шею до самого подбородка, и сказала:

– Не могли бы вы оставить их здесь?

Мужчина молча кивнул.

Он аккуратно отставил кроссовки в сторону, взял свои собственные ботинки в руку и в одних носках стал спускаться вниз по лестнице.

Элоиза оставалась в дверях, пока не услышала, как хлопнула входная дверь на первом этаже. Она с улыбкой покачала головой и хотела уже было зайти в квартиру, когда её взгляд упал на кучу рекламных объявлений, брошенных на пороге.

Цветные бумаги разлетелись по полу, словно конфетти из новогодней хлопушки, и там, под полосатым каталогом косметического магазина «Матас», виднелся уголок светло-голубого конверта.

Элоиза знала, от кого он пришёл, ещё до того, как взяла конверт в руки.

– Когда они пришли? – Карен Огорд кивнула на два письма, лежавшие перед ней на столе. Дверь в переговорную, где они сидели, была закрыта. Элоиза попросила о срочной встрече её, своего редактора, и Могенса Бётгера. Пока что пришла только Огорд.

– Первое я получила вчера в редакции. Оно лежало в моём почтовом ящике. Сколько оно там провалялось, не знаю. Пару дней, а может быть, неделю? На первом письме почтовый штемпель полуторанедельной давности из Канн, а на втором – из Лиона пятью днями позже, – сказала Элоиза. – Оно могло прийти в прошлую субботу. Я просто не обращала внимания до сегодняшнего дня. Оно лежало в куче рекламы у меня на пороге.

Раздался громкий удар в дверь, и в комнату вошёл Могенс Бётгер. На картонной подставке он принёс три бумажных кофейных стаканчика из кофейни напротив.

– Доброе утро, – кисло и безынициативно сказал он.

Элоиза и Огорд посмотрели на него и переглянулись. Белая рубашка была не выглажена и не заправлена в брюки, а волосы слева на затылке странно вздыбились. Обычно он выглядел до такой степени ухоженно, что это было, можно сказать, на грани здравого смысла, а сегодня он как будто решил слиться с серой массой. Довольно сложная задача для человека ростом два метра четыре сантиметра.

– Извините, опоздал, мне просто нужно было сперва отвести Фернанду в ясли, а она устроила форменную истерику, когда пришло время прощаться. Чёрт возьми, легче заставить налогового афериста взять на себя всю полноту ответственности, чем заставить годовалого ребёнка перестать плакать. И уснуть вечером, кстати, тоже. Я не могу понять, как люди, у которых есть дети, каждый день это делают?!

Он с укоризной посмотрел на них обеих и тяжело опустил на стул рядом с Огорд.

Дочь Могенса Бётгера появилась на свет после довольно легкомысленного летнего флирта с 41-летним тренером по фитнесу. После двух совместных ужинов она была беременна, а он на мели. Он кричал, плакал, умолял и пытался подкупить её сделать аборт, но, сколько бы он ни шумел, он ничего не мог сделать с её биологическими часами, время на которых неумолимо бежало. Поэтому теперь раз в две недели он проводил с дочкой три дня и имел, мягко говоря, натянутые отношения с её матерью.

– Не смотри на меня, – сказала Элоиза. – Мне ещё только предстоит познать радость материнства.

– Ну да, но вот именно поэтому я опоздал и вдобавок выгляжу как Могенс Глиструп. Я принёс вам кофейку, – сказал Бётгер, подавая им стаканчики. – Так, ну, что происходит? Зачем мы собрались?

– Ещё одно прислали, – сказала Элоиза.

– Ещё одно что?

– Письмо.

Тут Бётгер заметил письма на столе. Он потянулся к ним.

– Можно?

– Да. Вот оно, – сказала Элоиза, указывая на новое письмо.

Он осторожно взял письмо за края, развернул и прочёл его вслух.

Дорогая Элоиза!

У меня это 4, у тебя – 13.

Если я скажу «Amorphophallus Titanum», ты ответишь «Lupinus».

Моё второе имя начинается с «Э», а твоё?

Я так много о тебе знаю.

Ты знаешь обо мне чуть меньше.

Но мы связаны через него, теперь я это понимаю.

Ты видишь это?

Теперь ты видишь это?

Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, Элоиза, то, по крайней мере, подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях.

Анна Киль

– Чёрт подери, – сказал Бётгер, переводя взгляд на своих собеседниц. От удивления он так поднял брови, что они чуть не исчезли со лба. – Ты *абсолютно* уверена, что не знакома с ней?

– На сто процентов, – кивнула Элоиза. – Я понятия не имею, почему она выбрала меня и почему это мы с ней «связаны». Бессмыслица какая-то. Но она хорошо меня знает или, по крайней мере, знает обо мне очень личные факты. – Элоиза показала на письмо, которое нашла на пороге. – Тринадцать – моё счастливое число, поэтому, видимо, у неё это четыре, а *lupinus* – латинское название люпина, это мой любимый цветок. Откуда, чёрт возьми, она это знает?

– Может, она украла твой дневник? В следующем письме она напишет, что синий – твой любимый цвет, а твоё любимое блюдо – спагетти «Болоньезе», – но Бётгер был единственным, кто улыбнулся своей же шутке.

– Как твоё второе имя? – спросила Огорд.

– Элеанор, – ответила Элоиза. – А полное имя Анны – Анна Элизабет Киль.

– *Элеанор*... – Бётгер как будто пробовал слово на вкус.

Элоиза предостерегающе подняла руку.

– Могенс, я тебя предупреждаю!

– А что за амор-что-то-там... – продолжила Огорд. – Его она указала как свой любимый цветок. Какой-нибудь цветок любви?

– Ты про очень забавную вещь спросила, – сказала Элоиза, открывая записную книжку. – Таким было и моё первое предположение, но нет. *Amorphophallus Titanum*, более известный как «трупный цветок», меньше всего на свете похож на цветок любви.

Огорд и Бётгер оба устали на неё.

– «Трупный цветок»? – повторил Бётгер.

– Да, это огромное растение, которое растёт только на Суматре в западной части Индонезии и в нескольких ботанических садах. Один экземпляр находится в Копенгагене. Удивительная особенность растения в том, что оно пахнет как разлагающийся труп.

Элоиза нашла свои выписки из ботанического онлайн-словаря и прочитала вслух:

«Фиолетово-красные листья и поверхность цветка также создают иллюзию того, что это кусок мёртвой, гнилой плоти, и помогают растению привлекать мух, которые попадают в цветок и опыляют его. Латинское название растения переводится буквально как «бесформенный гигантский фаллос»... – Бётгер поднял бровь. – ...И его также часто называют «фаллический цветок», что следует отнести к очевидной фаллической форме растения, однако из-за его отвратительного запаха в народе его также называют *a corpse flower*, по-датски – «трупный цветок».

– Ого! – сказал Могенс Бётгер. – И этакий кузен мёртвого члена – это, оказывается, любимый цветок дам?

– Видимо, – кивнула Элоиза.

– Очаровательно, – сказал он, отодвигая от себя кофейный стакан.

За столом стало тихо.

– Ну ладно, – сказала Огорд. – Давайте поговорим немного о земном. Ты сообщила полиции, что ты получила?

Элоиза покачала головой.

– Нет, постой, не надо ей идти ни в какую полицию! – воскликнул Бётгер. – Они же просто отберут всё и велют не вмешиваться.

– Ну мне всё равно придётся, – возразила Элоиза. – Женщина зверски убила мужчину. Если я могу помочь засадить её за решетку, я клянусь тебе, что сделаю это, сколько бы она там ни говорила, что мы «связаны».

– Почему же ты до сих пор не обратилась в полицию? – спросил Бётгер.

– Потому что ты, конечно, прав, что они, вероятнее всего, попытаются меня отодвинуть. Но я не собираюсь сидеть сложа руки. Просто мне надо понять, как лучше себя повести, чтобы не упустить историю.

– Подождите, а не хотите ли вы вернуться к началу этого всего? Что случилось тогда с адвокатом? Я что-то давненько не слежу за криминальной сводкой. – Огорд подула на молочную пенку на кофе и сделала маленький глоток.

– В 2013 году весенним вечером адвокат из фирмы «Орлефф и Плеснер» вернулся к себе домой в Торбек после игры в теннис с друзьями, – сказала Элоиза. – Поздно вечером он поужинал и лёг спать. Предположительно в промежуток между полуночью и 3 часами утра Анна Киль проникла в его дом. С собой у неё был новый филейный нож фирмы «Кодекс». Это такой небольшой кухонный нож, которым пользуются многие профессиональные повара и который можно купить в большинстве крупных хозяйственных магазинов. Затем она напала на него, беззащитно спящего в своей постели, перерезала ему горло и бросила орудие преступления там же. Уличные камеры наблюдения засняли её, когда она уходила, и с тех пор её больше никто не видел.

На мгновение повисла тишина.

– Моссинг защищал её или кого-то из её семьи на суде и провалил дело? Это было убийство из мести? – спросила Огорд.

– Нет. По словам членов семей и друзей как жертвы, так и преступницы, они никак не были связаны друг с другом. Судя по всему, они друг друга не знали, – сказала Элоиза.

– Кристофер Моссинг, ну, тот, которого убили, был, помимо прочего, сыном Йоханнеса Моссинга. Со всеми вытекающими, – пояснил Бётгер.

Семья Моссингов была воплощением понятия «old money»⁴. Всего четыре поколения назад их семейное состояние было соизмеримо с богатствами Аббатства Даунтон и хотя и уменьшилось с годами, всё же измерялось настолько многозначным числом, что Элоиза приревновала, когда его увидела.

Из расследования Мортена Мунка она узнала, что частная собственность отца Моссинга состояла из виллы стоимостью в десятки миллионов в Ведбеке, застрахованного поместья с конюшней на юге острова Фюн и гигантского шато к югу от Бордо, окружённого рвом и обсаженного виноградниками.

– Так что получается, что, с одной стороны, очень богатая семья, а с другой – Анна Киль, которая родилась и выросла в Херлеве в куда более скромных условиях, – пояснила Элоиза. – У её матери своя забегаловка под названием «Фонарь», а отца, насколько мне известно, у неё нет.

---

⁴ Потомственная денежная аристократия (англ.).

– И какова же версия полиции? – спросила Огорд.

– Они понятия не имеют, почему она его убила. Много писали о её проблемах с психикой и что у неё вполне мог просто помутиться рассудок. Поэтому полиция утверждает, что она выбрала его случайно и убила.

– Значит, не было обнаружено никаких свидетельств, что она связывалась с адвокатом до убийства по домашнему адресу или по месту работы? Ни писем, ни чего-нибудь ещё?

Элоиза почувствовала, как по её телу пробежала волна беспокойства.

– Во всяком случае, их не публиковали, – ответила она. – Но именно поэтому я собираюсь пойти в полицию. Мне нужно знать, с кем я имею дело и с чего она втюрилась в меня.

– А что она имеет в виду под словом «он»? – Огорд указала на развёрнутое письмо. – Что за «он», который якобы связывает вас?

Элоиза пожала плечами.

– Должно быть, адвокат, – сказал Бётгер. – Наверно, вы с ним как-нибудь пересекались.

– Да нет, не думаю.

– Может быть, он когда-то был твоим информантом в каком-нибудь деле? Или, может быть, ты когда-нибудь давно встретила с ним на вечеринке, а потом забыла об этом? – спросил он.

Элоиза подняла бровь.

– Встретила на вечеринке?

– Да, а почему нет? Такое вполне себе, чёрт возьми, могло произойти.

– Ну нет, такого никак не могло произойти!

Снова повисло молчание.

Огорд нарушила его:

– Она использует одну и ту же прощальную фразу в обоих письмах. Она пишет: *«Если уж я лишена возможности лично видеть тебя, Элоиза, то, по крайней мере, подари мне сладость твоего образа в твоих высказываниях»*.

Элоиза кивнула и положила два письма рядом друг с другом, чтобы Бётгер тоже мог посмотреть.

– Это какая-то чересчур торжественная формулировка, – сказала Огорд. – Что это вообще значит?

– Понятия не имею. После первого письма я попыталась загуглить фразу, вдруг бы это что-то дало. Но нет. Поэтому я провела свой собственный анализ, – сказала Элоиза, открывая блокнот. Она показала им, что написала.

Я лишена возможности лично видеть тебя.

Я в бегах и не могу встретиться с тобой лично.

Подари в твоих высказываниях.

Напиши обо мне!

Сладость твоего образа.

Ты – журналист, а значит, можешь быть объективной.

– Но, блин, я не знаю. – Она тут же захлопнула блокнот. – Это не самый безукоризненный анализ, поэтому я могу ошибаться.

– *Сладость твоего образа*. Сладость? – сказал Бётгер. – Немного странно звучит.

Огорд, казалось, не слушала, глядя в пространство невидящим взглядом. Спустя какое-то время она проговорила:

– Если она действительно имеет в виду, что ты должна быть объективна и написать о ней, значит, она хочет сказать, что всё, что писали о ней раньше, – неправда.

– Ты же не думаешь, что она может быть невиновна? – спросила Элоиза.

– Не знаю. Но я считаю, что тебе нужно попробовать начать с самого начала, как будто ты ещё ничего обо всём этом не знаешь. Кто выступал информантами по этому делу, скажем, в 2013 году?

– Много кто, разные люди.

– Например?

– Например, мать Анны Киль, друзья и коллеги Кристофера Моссинга и Анны Киль, представители семьи Моссинг, пара её старых школьных учителей. Там длинный список.

– Ну вот, я думаю, оттуда тебе и стоит начать. Встречайся с ними со всеми по очереди и не думай пока об обвинениях. Пусть полиция сушит мозги над этим. Просто сосредоточься на своей статье и посмотри, куда это тебя приведёт.

Элоиза почувствовала, как телефон завибрировал во внутреннем кармане.

Это была эсэмэска из исследовательского отдела.

– Ты говоришь, что мне не стоит переживать, – сказала она, пробегая глазами сообщение. – А ведь с тех пор, как я отучилась на журналиста, никто никогда не знал моего адреса, и когда я сегодня утром попросила Мунка постараться всеми возможными способами найти в Интернете информацию о моём месте проживания, он ничего не нашёл.

Она посмотрела на своих собеседников и пожала плечами.

– Откуда Анна Киль знает, где я живу?

7

Пока Элоиза вела машину по Страндвейен в сторону Ведбека, у неё было время собраться с мыслями. Особняки вдоль побережья стояли друг за другом, как домино, каждый за кованым железным забором с монограммами, достаточно мощным, чтобы не пускать незваных гостей, но не слишком частым, так чтобы прохожие могли любоваться роскошными садами.

Жемчужно-белый гравий захрустел под колёсами корпоративного «Форда Фокус», взятого в редакции, когда она свернула во двор к огромному светло-серому дому. Он скорее напоминал роскошные загородные дома из американских фильмов о хорошей жизни, нежели привычные постройки в стиле функционализма, совершенно бездушные или стоявшие вдалеке пале, нелепые в своей помпезности. Это был деревянный дом в стиле нантакет с белыми окнами со ставнями и раскладкой, а по периметру его окружала веранда.

«Сюда бы ещё Дайан Китон в соломенной шляпке, бежевые и белые ткани в интерьер, кухню в зелёных тонах и много солнечного света – вот это, я понимаю, дом», – подумала Элоиза.

Она припарковалась рядом с «Ягуаром» цвета «серебристый металлик», который сиял в полуденном свете, и направилась ко входной двери. Возле двери не было звонка, только медный дверной молоточек в форме якоря. Через несколько секунд после того, как Элоиза постучала, дверь открыла молодая азиатка в тёмном платье до колен. Она оглядела гостью с головы до ног.

– Чем я могу вам помочь?

– Добрый день, меня зовут Элоиза Кальдан, я ищу Эллен или Йоханнеса Моссинг.

– Господин Моссинг, к сожалению, не дома, но госпожа Моссинг здесь. Вам назначена встреча?

– Нет, боюсь, я пришла без предупреждения, – улыбнулась Элоиза.

– Что мне передать госпоже Моссинг?

– Дело касается её сына.

Элоиза ожидала какой-нибудь реакции от молодой женщины, но та ничего не сказала. Она открыла дверь пошире и пригласила Элоизу войти.

– Будьте любезны подождать здесь.

И ушла из холла.

Элоиза слышала, как где-то в доме гроыхала рок-музыка. Это явно был саундтрек к фильму. Она оглядела холл: большой открытый камин, который, похоже, никогда не разжигался, и широкая лестница, ведущая на второй этаж.

Фотографии членов семьи и друзей дома были развешаны в красивых рамах вдоль лестницы, среди них встречались и портреты знаменитостей. Элоиза узнала бывшего мэра Копенгагена, двух стареющих звезд тенниса, Тони Блэра, пару американских музыкальных продюсеров в бриллиантовых ожерельях и с золотыми зубами и целый ряд датских джетсеттеров, которые в своей жизни не сделали ничего замечательного, кроме того, что появились на свет.

Элоиза поднялась по лестнице на несколько ступеней и посмотрела на одну из фотографий. Из новостей она знала, как выглядит Кристофер Моссинг, хотя на этой фотографии он был по меньшей мере на десять лет моложе. Здесь он позировал фотографу в квадратной американской конфедератке с кисточкой, с торжествующим видом держа в руках бутылку пенящегося шампанского.

Молодая экономка кашлянула позади.

– Пройдёмте, – сказала она.

Элоиза прошла за ней через две большие гостиные комнаты, обставленные белыми диванами и кожаными креслами коньячного цвета.

Стены и стеллажи украшали морские мотивы, многочисленные трофеи с конных скачек и прочие коллекционные предметы.

Музыка послышалась громче, когда они подошли к открытой двойной двери, ведущей в оранжерею в дальней части дома с видом на пролив Оресунд.

В оранжерее стояла женщина.

На ней была кепка и белое платье с запахом, она обрезала маленькими золотыми ножницами отцветшие розы на больших кустах сорта «Новая заря». В этот момент соло на гитаре раздалось с такой силой, что стёкла в оранжерее задрожали.

Женщина с улыбкой обернулась к Элоизе.

– Добрый день.

– Добрый! – Элоизе пришлось сильно повысить голос, чтобы её было слышно сквозь музыку. Она протянула руку и представилась. – Классная музыка. Кто играет?

Эллен Моссинг посмотрела на неё так, будто она только что спросила, на какой планете они находятся.

– Это же Лед Зеппелин! Неужели вы их не знаете?

Элоиза кивнула, сиюсь вспомнить.

– Наверно, это что-то связанное с ЛСД, нет?

Эллен Моссинг рассмеялась – лёгким, журчащим смехом, – и Элоиза невольно почувствовала к ней симпатию. Та подошла к старому проигрывателю, стоявшему в углу, и убавила громкость. Затем повернулась к экономке.

– Нои, не могли бы вы принести нам пару чашечек кофе? Или, может быть, вы предпочитаете чай? – Она взглянула на Элоизу.

– Нет, можно кофе, спасибо.

– Иногда мне делается страшно, как много кофе я пью. У меня иногда от него жутко бьётся сердце. Ощущение ужасное. Но ведь, в конце концов, это единственное, что у меня осталось, так что чёрт с ним. – Она доверительно подмигнула Элоизе, словно только что рассказала о себе что-то очень компрометирующее. Она поманила Элоизу к длинному столу из тикового дерева, который стоял посередине оранжереи, и пригласила её сесть.

– У вас красивое имя. *Элоиза*. – Эллен Моссинг произнесла это слово с мелодичным французским акцентом. Она сняла кепку, и длинные серебристые волосы рассыпались по спине. – Звучит гораздо оригинальнее, чем Эллен.

– Спасибо, – сказала Элоиза, – зато вам точно никогда не приходилось произносить по буквам или повторять несколько раз своё имя, чтобы окружающие вас поняли.

– Ну, тут уж что-нибудь одно.

– Верно, – сказала Элоиза, садясь за стол напротив неё. – Однако мне следует объяснить, зачем я пришла к вам.

– Нои сказала, это касается Кристофера?

– Да, верно. Но я должна вам сказать, что я журналистка. Я работаю в «Demokratisk Dagblad», где сейчас изучаю дело вашего сына.

Эллен Моссинг мгновение смотрела на неё, ничего не говоря.

– Почему сейчас? – спросила она. – Что-то случилось? Мне ничего не сообщали.

– Нет, ничего конкретного. Но я пытаюсь выяснить, не могло ли что-нибудь быть упущено при расследовании. Я пришла спросить, не согласились бы вы рассказать мне немного о вашем сыне.

– О нём больше никто не говорит, – Эллен Моссинг посмотрела на пролив, – даже муж. Как будто люди думают, что становится не так больно, если они просто делают вид, что ничего не случилось. Мой сын умер, и теперь весь мир ведёт себя так, как будто его никогда и не было. – Она посмотрела на Элоизу и грустно улыбнулась. – Терпеть не могу давать показания, но с вами я бы хотела поговорить о Кристофере.

Домработница принесла поднос с кофе и подала им чашки. Она также поставила маленькую тарелочку с печеньем перед Элоизой и вышла.

– Прошу вас. – Эллен Моссинг кивнула на печенье.

– Я видела фотографию Кристофера в холле. Он учился в Соединенных Штатах?

Элоиза взяла печенье и попробовала. Оно было очень солёным.

– Да, он изучал право в Гарварде. Я вообще думаю, что это были лучшие годы его жизни.

Когда он говорил об этом времени, его голос всегда звучал по-особому, – сказала Эллен Моссинг. – У меня там есть внук, вы знали?

Элоиза покачала головой.

– После смерти Кристофера с нами связалась одна женщина. Он был с ней в отношениях. Не то чтобы в серьёзных, по крайней мере, мы никогда не слышали о ней раньше. Правду сказать, у него тогда было много девушек. Он был очень популярен. – Она взяла кусочек сахара из сахарницы, стоявшей на столе, и положила в свой кофе. – Через несколько месяцев после похорон она позвонила нам. Она услышала о случившемся и была ужасно расстроена, как вы понимаете. Она рассказала мне, что родила тогда и теперь растит мальчика.

– Вам не показалось, что это немного подозрительно? – спросила Элоиза.

– Вы имеете в виду, что они претендуют на наследство?

– Да.

– Конечно, мы задались вопросом, не мошенница ли она. Из тех, что следят за международными некрологами и потом пытаются заработать на чужом горе. Но она прислала нам фото.

– Фото?

– Да, с мальчиком. Когда мы увидели его, то поняли, что она говорит правду. Она предложила доказать отцовство ещё и с помощью теста ДНК, но у нас просто не осталось никаких сомнений. Это сын Кристофера.

– Как его зовут?

– Джек. Сейчас он уже подросток, ему четырнадцать лет. Славный парень.

Элоизе было нетрудно представить себе это. Кристофер Моссинг со своей ослепительной улыбкой и гармоничным телосложением был похож на красавца-героя из комиксов. Конечно, не её тип, однако среди не обременённой интеллектом золотой молодёжи, которая обычно обитает к северу от Копенгагена, он был бы завидным холостяком: молод, очень богат, успешен и сложен как греческий бог.

– Вы встречались с Джеком?

– Да, он приезжал к нам прошлым летом. Ещё раньше мы переписывались по электронной почте, познакомились друг с другом, а потом мы купили ему билет на самолёт. Мы должны были увидеть его.

– И как оно прошло?

– Это было... – Эллен Моссинг не сразу подобрала слова. – Это был кошмар. Вы даже не представляете, каково это – потерять сына, а затем встретить совершенно незнакомого человека, который выглядит так же, как он, двигается так же, говорит тем же голосом...

– Вам хотелось бы думать, что к вам возвращается частичка вашего сына, – сказала Элоиза.

– Да, в моих обстоятельствах это неудивительно, правда? Но мне тогда казалось, что разум обманывает меня; что мои глаза видят то, чего на самом деле нет. Что это *trompe-l'oeil*⁵.

– Как отреагировал Джек?

– Бедный мальчик, он не знал, куда ему деться. Я никак не могла взять себя в руки, а он изо всех сил старался поддержать меня. Но потом он уехал домой. Теперь мы обмениваемся по почте подарками на Рождество и на дни рождения, а Йоханнес открыл счёт с приличной

---

⁵ Обман зрения (*фр.*).

суммой денег, которые Джек сможет получить, как только достигнет совершеннолетия. Он же наша кровь, мы желаем ему лучшего. Но я не думаю, что мы увидимся снова.

Элоиза восхищалась открытостью Эллен Моссинг. Как будто их двоих ничто не разделяло. Женщина вела себя так, словно разговаривала с другом, а не с журналистом. Может быть, ей просто одиноко, подумала Элоиза, и ей самой стало больно.

Проигрыватель зашипел, и Эллен встала, подошла к нему и осторожно подняла иглу. Она перебрала несколько пластинок, которые лежали рядом с проигрывателем, вынула одну из обложки и сдула с неё пыль. Затем положила её на проигрыватель, опустила иглу, и из динамиков зазвучала песня Билли Холлидей «All of Me».

– О, а вот это моя музыка, – улыбнулась Элоиза, воздев руки.

– Это любимая певица Йоханнеса. Я едва ли вспомню хоть одно утро за те сорок с лишним лет, что мы с ним знакомы, когда её голос не звучал бы за завтраком.

Они немного посидели молча, слушая музыку. Эллен Моссинг закрыла глаза и, казалось, растворилась в звуках.

– На чём мы с вами остановились? – спросила она, не открывая глаз.

– Вы говорили, что Кристофер был популярен у девушек. У него был кто-нибудь незадолго до его смерти?

– Был ли кто-нибудь? – Эллен Моссинг засмеялась и посмотрела на Элоизу. – Нет, на Кристофера это не похоже. У него всегда их было много. У него никогда не было одной девушки зараз.

– И он никогда не знакомил вас со своими подругами?

– Нет-нет. Я не думаю, что он вообще верил в такое.

– В такое?

– Да, ну, в такую любовь. В долгосрочные, серьёзные отношения. Для него эти связи ничего не значили.

– Почему же? Разве у него не было достойного примера перед глазами в лице вас и вашего мужа?

Эллен Моссинг прикусила губу и вздохнула.

– Ну, вероятно, был, – произнесла она тоном, утверждавшим обратное. – Мы с Йоханнесом действительно хорошо прожили много лет. Но я была очень молода, когда мы встретились; большой ребёнок, честное слово. И стареть с изяществом тоже ведь очень сложно. – Она застенчиво улыбнулась и поправила пояс, подчеркивавший тонкую талию. – Так что, наверно, эта страстная любовь продлилась не так долго, как хотелось бы. Но между нами с Йоханнесом давно существует крепкая дружба, а это, думаю, значит в действительности гораздо больше.

Элоиза смотрела на Эллен Моссинг нахмурившись. Разумеется, та уже была немолода. Но для шестидесяти одного года выглядела даже слишком хорошо. Не от отца Кристофер унаследовал правильной формы нос, изящную фигуру и большие, орехового цвета глаза. Судя по фотографиям, которые видела Элоиза, старый Моссинг был, по крайней мере, на пятнадцать лет старше своей жены и в лучшем случае на четверть столь же привлекателен, как она.

– Я думаю, вы выглядите потрясающе, если говорить прямо и откровенно, – сказала Элоиза. – Если я буду похожа на вас в шестьдесят или даже в сорок лет, я буду очень довольна собой.

– О, вы очень любезны, – улыбнулась Эллен Моссинг.

– Я действительно так думаю. И Кристофер – он очень похож на вас.

– Да, он был похож на меня. – Она гордо кивнула. – Но только внешне. Умом он весь был в отца, блестяще одарён. И всегда работал как проклятый, мы так гордились им. Он стал партнёром в «Орлефф и Плесснер» в невероятно короткий срок и весьма преуспевал, до тех пор пока... – Её глаза наполнились слезами, и она опустила голову, не пытаясь сдержать их или промокнуть глаза.

Элоиза чувствовала, что должна встать и обнять её, но осталась сидеть. Она понимала открытые, обнажённые чувства Эллен Моссинг, но что она может сказать женщине, которая потеряла сына? Потеряла самого близкого человека?

«*Всё будет хорошо*»?

В конце концов, это не так. Ничто никогда не будет снова хорошо по-настоящему.

Элоиза протянула руку и положила её на руку Эллен Моссинг.

– Вы знали её? Вы знали Анну Киль?

Эллен Моссинг покачала головой и отняла руку. Она встала, подошла к маленькому комоду в углу оранжереи и достала из верхнего ящика старый пожелтевший носовой платочек.

– Нет. – Она вытерла глаза. – Но я думаю, что...

– Эллен? Что происходит?!

Эллен Моссинг так испугалась, что выронила платок, Элоиза обернулась.

Йоханнес Моссинг стоял в дверях. В руках у него был керамический горшок с цветущим апельсиновым деревцем, и он с тревогой смотрел на жену.

– Ты плачешь?

– Да нет, ничего. – Эллен Моссинг подошла к мужу и обняла его. – Я просто задумалась о былых временах, а я тогда становлюсь такой сентиментальной, ты же знаешь.

Он оставил горшок в сторону и пристально посмотрел на неё.

– Ты точно в порядке?

– Да-да, это всё моя глупость. – Она отмахнулась от вопроса как от назойливой мухи. – Проходи, поздоровайся с гостьей.

Элоиза встала.

– Добрый день, – сказал Йоханнес Моссинг, протягивая руку. – Я – муж Эллен. Извините, что я вторгся и прервал вашу беседу, я просто подумал, что что-то случилось.

Элоиза пожала его руку и вежливо кивнула.

– Элоиза Кальдан.

– Кальдан? – Он с улыбкой посмотрел на неё, прищурившись и не отпуская её руки. – Мы раньше не встречались с вами?

– Нет, не думаю.

– Вы местная?

– Нет, из Копенгагена.

– Элоиза – журналист, – сказала Эллен Моссинг. – Она пришла поговорить о Кристофере.

Улыбка мгновенно исчезла с лица Йоханнеса Моссинга, и он тут же отдернул руку, как будто обжёгся.

– Журналист, – твёрдо сказал он. Выглядел он так, будто только что разжевал горький миндаль.

Эллен Моссинг пришла Элоизе на помощь:

– Я сама пригласила её зайти, Йоханнес. Я не возражаю против того, чтобы поговорить о произошедшем. – Она нежно похлопала его по руке. – Тебе я тоже советую: вполне возможно, что тебе станет легче. Это не страшно, вовсе наоборот.

Йоханнес Моссинг мгновение смотрел на свою жену, не произнося ни слова. Затем он повернулся к Элоизе и сказал ровным голосом:

– Будьте добры, покиньте наш дом.

Как по волшебству в дверях материализовалась домработница.

– Я провожу вас, – торжественно произнесла она.

Элоиза не двинулась с места.

Они с Йоханнесом Моссингом долго смотрели друг на друга.

– Я работаю в «Demokratisk Dagblad», – сказала Элоиза. – Я здесь потому, что со мной, по всей видимости, пытается связаться убийца вашего сына.

Эллен Моссинг с изумлением взглянула на неё и быстро опустилась на стул. Она несколько раз открыла и закрыла рот, не произнося ни звука, но Элоиза не заметила никакой перемены в лице Йоханнеса Моссинга.

– Поэтому будет очень полезно, если вы расскажете мне всё, что знаете о той ночи, когда он был убит, – продолжила она. – Всё, что может помочь мне выйти на след Анны Киль.

В оранжерее долго не было слышно ничего, кроме печального пения Билли Холидей.

Эллен Моссинг потянулась к руке своего мужа, но он убрал её прежде, чем она коснулась её.

– Йоханнес, я думаю, мы должны...

– Мы ничего не должны, – сказал он, не сводя глаз с Элоизы. – До свидания, фрёкен Кальдан.

– Позвоните мне, если передумаете, – сказала Элоиза, выходя из оранжереи.

«Форд» подал двойной звуковой сигнал, когда Элоиза нажала на кнопку дистанционного управления.

Она села за руль и посмотрела в зеркало заднего вида. Эллен Моссинг стояла у окна одной из гостиных и смотрела на неё. Элоиза видела, что она плачет.

Что здесь, чёрт возьми, сейчас произошло?

В истории о Кристофере Моссинге было что-то не так. Родители пытались скрыть что-то о нём? Было ли на самом деле что-то, что имело смысл скрывать, или они действительно просто не знали? Элоиза понимала, что можно прожить всю жизнь рядом с кем-то и не узнать его по-настоящему. Но было ли так на самом деле? Вёл ли Кристофер Моссинг двойную жизнь, было ли ещё что-то, помимо его великолепной адвокатской деятельности? Что-то, о чём не догадывались его родители? А Анна Киль – как она вписывалась во всё это? И не менее важный вопрос: при чем тут она, Элоиза?

Она завела машину, выехала на дорогу и повернула налево на набережную Ведбека.

По пути она решила посмотреть на дом Кристофера Моссинга в Торбеке. Она понимала, что его, скорее всего, продали после убийства и что вряд ли там можно было найти что-либо существенное. Но ей нужно было увидеть место преступления. Она хотела его увидеть.

Она взяла в руки мобильный, чтобы посмотреть адрес, и увидела очередной пропущенный звонок от Мартина. А ещё уведомление из «Инстаграма». Вообще-то она уже давно им не пользовалась. Несколько лет назад она последовала всеобщей моде и первые полгода загружала в свой профиль фотографии с прогулок по городу и восходы солнца, но они никогда не отражали красоту действительности. Она быстро потеряла к нему интерес и просто не успела удалить страницу.

Пока стояла на светофоре, Элоиза открыла уведомление и увидела, что её отметили на фотографии восемь минут назад. В уведомлении говорилось:

Anna_elisabeth_kiel упомянула вас в комментарии:

«Твоя дверь была открыта, @heloisekaldan, поэтому я позволила себе войти».

Включился зелёный свет, но Элоиза осталась стоять и нажала на ссылку.

– Что ещё за бред, – проговорила она сквозь зубы под нетерпеливые гудки автомобилей, собиравшихся сзади.

Она свернула на обочину и ударила по тормозам, костяшки её пальцев побелели.

Она увидела на экране привычную глазу панораму Копенгагена со встающими одна за другой постройками красного кирпича. Купол Мраморной церкви высился по центру кадра, и Элоиза узнала балкон, с которого была сделана фотография этого тёмно-зелёного паруса на горизонте.

Она набрала номер и стала ждать ответа.

– Здравствуйте, полиция? В мою квартиру проникла взломщица. Да, сейчас. Она там в эту самую минуту!

8

127 старых деревянных ступеней по очереди громко скрипнули под ногами детектива Шефера, пока он поднялся на шестой этаж.

Там он увидел открытую дверь в квартиру и постучал кулаком в перчатке по косяку, прежде чем войти.

– Привет, – кивнул он специалисту по дактилоскопии из Национального центра судебной экспертизы, который с помощью тонкой кисти и баночки с алюминиевой пудрой снимал отпечатки пальцев в тесной прихожей. – Что-нибудь нашёл?

– Можно сказать и так.

Мужчина в знак приветствия поднял кулак; Шефер почувствовал себя ещё более старым и запорошенным пылью, чем квартира, в которой они находились. Он неохотно протянул кулак и стукнул им по кулаку коллеги.

– Даже более того, я бы сказал, что здесь просто полным-полно отпечатков пальцев и их следов.

– Ну, тогда тебе есть чем заняться до вечера, – сказал Шефер, ободряюще похлопывая его по спине.

Шефер прошёл мимо него в комнату. Это была большая комната с панорамными окнами и дверью, выходящей на небольшой балкон. Он увидел, что с этой двери уже сняли несколько отпечатков пальцев.

Шефер огляделся.

На подоконнике лежала покоричневевшая яблочная кожура и стояла неполная чашка кофе с засохшей молочной пенкой по краям, стол в гостиной был завален бумагами, грязными тарелками и хлебными крошками. За исключением обычного бытового беспорядка и пыли, в квартире не было никакого хаоса, ничего, что говорило бы о «краже со взломом» или «вандализме».

Из соседней комнаты раздавались голоса. Шефер подошёл к столу в гостиной и взглянул на лежавшую там кипу бумаг. Быстрым движением он разложил документы веером, как игральные карты, и стал их просматривать. Это была распечатка старых статей об убийстве Кристофера Моссинга.

Он пробежал бумаги глазами и остановил взгляд на фразе, которую сам произнес для прессы через несколько недель после начала расследования:

У нас есть веские основания полагать, что Анна Киль покинула страну, и теперь Интерпол разыскивает её на международном уровне.

Он снова сложил бумаги и пошёл на кухню, где двое служащих из подразделения, занимающегося кражами со взломом, разговаривали с женщиной, сидевшей за кухонным столом. Шефер не знал имён офицеров, но видел одного из них несколько раз на улице. Рыжий бледный молодой парень. Второй был похож на араба и напомнил Шеферу небоскрёб в Дубае. У него самого чуть не заныла спина, когда он увидел, как бедняге приходится стоять с согнутой шеей, чтобы хоть как-то уместиться на этой кухоньке с низким потолком.

Все трое повернулись к Шеферу, когда он вошёл.

– Добрый день, – сказал Шефер, подходя к столу. – Это вы живёте здесь?

Он адресовал эти слова женщине, и она кивнула в ответ.

– Детектив Эрик Шефер.

Он протянул руку, и она пожала её.

– Элоиза Кальдан.

Он обратился к коллегам:

– Вы пришли сюда первыми?

– Да, звонок поступил в 14:32, мы приехали в 14:44, но в квартире никого не было, – сказал бледный. – Мы позвонили в Национальный центр криминалистики, как только поговорили с вами, и судебный эксперт уже полчаса как здесь. Похоже, он что-то обнаружил, – офицер довольно кивнул.

– Радоваться мы будем потом, когда узнаем, что именно ему удалось найти, – сухо сказал Шефер. – Вы можете быть свободны, теперь я займусь этим. Главное, не забудьте положить мне на стол отчёт перед тем, как уйдёте вечером домой.

– Мы можем остаться, – сказал Дубайский небоскрёб. Он перевёл глаза с Шефера на женщину за столом. Шефер почувствовал, что желание полицейского остаться больше связано с тем, как он смотрит на белую футболку, обтягивавшую тело женщины во всех нужных местах, нежели с задачей следствия.

– Очень мило с твоей стороны, но я попросил бы поумерить пыл. – Шефер бросил на офицеров такой взгляд, что они быстро попрощались и покинули помещение. Он слышал, как они обменивались скабрёзными замечаниями со специалистом дактилоскопии, когда выходили из квартиры.

– Можно? – Он указал на стул напротив женщины.

– Конечно.

Он вытащил стул из-за стола и сел.

– Я уверен, что вы уже много рассказали Лорелу и Харди. – Он кивнул на выход.

Женщина сжала губы, сдерживая улыбку.

– Но, боюсь, вам придётся рассказать всё сначала, чтобы я мог помочь вам, – сказал Шефер. – Как я понял, вы хотели поговорить именно со мной?

– Да, верно.

– Почему?

– Потому что вы ведёте дело Моссинга.

– Дело Моссинга?

– Да.

– А при чём здесь оно?

– Я знаю, это звучит немного дико, – сказала она. – Но, как сказали ваши коллеги, когда звонили вам, я думаю, что Анна Киль была сегодня в моей квартире.

Шефер потёр подбородок двумя пальцами, глядя на неё. Хотя обычно он тщательно брился по утрам, к этому времени щетина уже снова наметилась, поэтому раздался довольно громкий звук.

– Честно говоря, я считаю, что это очень маловероятно. – Он старался сгладить нотки снисхождения в голосе, но его слова всё равно прозвучали покровительственно.

– И всё же достаточно вероятно, чтобы вы отправили сюда судебного эксперта, как только получили вызов. Едва ли он так торопится снимать отпечатки пальцев по горячим следам в каждой взломанной квартире? Особенно когда из неё ничего не пропало.

Шефер пожал плечами и взглядом ответил ей: *Touché*⁶.

– Дело в том, что вы сейчас не абы про кого заговорили, поэтому я решил подстраховаться. Но с какой бы стати Анне Киль вламываться сюда к вам?

– Я не знаю, но она была здесь сегодня, она сделала фотографию с моего балкона и запостила её в «Инстаграме». Посмотрите, чья это страница! – Элоиза Кальдан показала свой мобильный Шеферу, он взял его в руки и стал смотреть на фотографию.

Потом встал, отошёл и остановился в дверях гостиной.

---

⁶ Впечатлён (фр.).

– А это не может быть старая фотография, которую вы сами же сделали когда-то давно и разместили в «Инстаграме» или на «Фейсбуке» и которую кто-то просто скопировал? – Он по очереди смотрел в телефон и на вид из окна балкона.

– Нет, эту фотографию я никогда раньше не видела.

Шефер просмотрел профиль, в который была загружена фотография. Это была единственная публикация. Не было никаких других картинок, никакой информации о пользователе, ничего, кроме имени профиля. Ни подписчиков, ни подписок.

– Вы себе не представляете, как много травли происходит в социальных сетях, – сказал он. – К вам на страницу зашёл некто, и, возможно, он когда-то сделал этот снимок, а теперь решил поразвлечься. Может быть, это один из ваших друзей сделал такое фото на прошлой неделе. Или в прошлом году.

– Нет. Тем немногим друзьям, которые когда-нибудь бывали здесь, я доверяю.

– Возможно, это новый парень так себя ведёт? Или бывший вымещает злость, пытаюсь напугать вас?

– Нет, такого я тоже не могу себе представить. – Её голос зазвучал уже менее уверенно.

Шефер посмотрел на неё.

– Вы журналистка, не так ли?

– Да, из «Demokratisk Dagblad».

– Да, думаю, я видел ваше имя в газете. Вы делаете свою работу очень хорошо.

Она пожала плечами.

– Спасибо.

– Те бумаги. – Шефер кивнул на стопку документов на столе в гостиной. – Вы начали писать статью о Моссинге? Это поэтому вам мерещатся призраки?

– Мне стало интересно заняться этим делом, да, но в этот раз это не обыкновенная работа.

Происходит что-то такое, что я...

– Послушайте... – Он поднял руку, прерывая её. – Вам нечего бояться. Есть серьёзные основания полагать, что Анна Киль вообще находится не в Дании.

– Я прекрасно это знаю, – сказала Элоиза Кальдан, поднимаясь. – Не прошло ещё полутора недель с тех пор, как она была во Франции.

Шефер, похоже, был потрясён тем, что услышал.

Он молча наблюдал, как Элоиза Кальдан доставала что-то из чёрной сумки, висевшей тут же на крючке рядом с холодильником.

– Мне не мерещатся призраки, – она подошла к нему и протянула два голубых конверта, – Анна Киль пытается что-то сообщить мне.

9

Анне пришлось долго ждать, когда снимут трубку.

Ей удалось отыскать одну из немногих сохранившихся в Дижоне старинных телефонных будок. Большинство будок уже давно демонтировали и заменили на... Да ничем их не заменили. По всему городу остались опустевшие, уродливые площадки, где из асфальта торчали обрезанные провода, похожие на жуткие произведения искусства ушедшей эпохи.

– Ник?

– Да.

– Это я.

– Да, я так и думал. Никто мне больше не звонит.

– Мне пришлось двинуться дальше. На север. Думаю, меня заметили.

– Заметили? Кто – он? – Голос звучал обеспокоенно.

– Нет, какая-то женщина. Может быть, нет ничего страшного. Но я не могла там больше оставаться.

– Анна, если ты увидишь его или кого-то, *напоминающего* его, беги со всех ног, ты поняла меня?

– Да.

– Я говорю серьёзно. Он не будет колебаться ни секунды, чтобы взять тебя на месте. Ты даже не представляешь, насколько опасен этот человек.

– Да нет, Ник, представляю, – произнесла она холодным тоном, – может быть, даже лучше, чем ты. Так что не говори со мной так, будто твоя задача – заботиться обо мне. Я не твоя дочь.

Наступила пауза, затем он осторожно спросил:

– Есть какие-нибудь новости? Ты отправила письмо?

– Я отправила два.

– Ладно, хорошо. Хорошо.

– Ты обещал мне информацию о месте, где он проводит отпуск.

– Да. Это отель «Grand Hyatt Martinez». В Каннах.

– Когда он туда приезжает?

– В начале июня на три недели. И так каждый год.

– Один?

– В основном да. По крайней мере, путешествует он один. Я не знаю, приезжает ли к нему кто-нибудь, пока он там...

Повисло неловкое молчание.

– А файлы? – спросила затем Анна.

– Остальное ты получишь, когда я получу своё, – сказал он. – Главное, позаботься, чтобы Элоиза оказалась в Париже.

– Слушай, Ник...

– Да?

– Тебя совесть не мучает?

Он засмеялся. Грустным, глухим смехом.

– Есть немного. А тебя?

Она задумалась на мгновение.

– Нет, – сказала она и повесила трубку.

10

Элоиза стояла у кухонной раковины, отмывая с пальцев чернильные пятна жёсткой щёткой для ногтей. Парень из Национального центра судебной экспертизы попросил у неё перед уходом отпечатки пальцев.

– Чтобы исключить ошибку, – сказал он.

Отмыв руки почти дочиста, она взяла гроздь помидоров на веточке и два персика из миски на подоконнике и достала из холодильника большой шар моцареллы из буйволиного молока.

– Я сегодня практически ничего не ела, и, если это затянется ещё, я умру от голода, – сказала она Шеферу.

Не отрывая глаз от писем на столе перед собой, он махнул ей рукой, как бы говоря: пожалуйста!

Пока Элоиза мыла помидоры и персики и нарезала их, она украдкой наблюдала за ним. В нем было что-то настолько мощно мужское, что ей казалось, будто это Тони Сопрано сидит сейчас на её кухне. Как будто он вот-вот перейдёт на английский и заговорит, слегка прищёптывая, с крутым джерсийским произношением.

Он одновременно казался и очень требовательным, возможно даже грозным, и – в большей степени – добрым.

– А вы не голодны? – спросила Элоиза. – Может, тоже поужинаете?

Она положила пучок базилика и горсть листьев мяты на большую деревянную доску и стала их нарезать.

Шефер взглянул на продукты на кухонном столе и с сожалением покачал головой.

– Я бы с радостью, но мой доктор говорит, мне нужно повнимательнее относиться к тому, как я питаюсь.

– Дайте-ка угадаю... – Элоиза посмотрела на него, приподняв бровь. – Ваше внимание, скорее всего, чаще бывает приковано к огромным стейкам с кровью?

– Бинго!

Элоиза кивнула.

Круглый живот и румянец на щеках свидетельствовали, что он не имел привычки к здоровому питанию. Ещё он курил. Запах никотина чувствовался с противоположного конца кухни.

– Время уже вечернее, так что можете позволить себе глоток вот этого. – Она открыла холодный «Хейнекен» и протянула ему.

– Ну, раз вы уже открыли, – сказал он, беря в руки банку.

Элоиза разложила салат на блюде. Сверху полила первоклассным оливковым маслом, посыпала солью, перцем и мелко нарезанными травами.

Затем она села напротив Шефера и начала есть прямо с блюда.

– Что вы скажете о Кристофере Моссинге? Кажется, что вся его жизнь – это молочные реки и медовые берега, пока Анна Киль не пришла и не положила этому конец. Вы верите в такую глянцевую картинку или за ней что-то скрывается?

– В принципе всё говорит о том, что он просто был хорошим парнем. Насколько только можно им быть, когда ты юрист.

Его взгляд упал на салат.

– Скажите, вот это вы едите, когда умираете от голода? Немного фруктового салата и много сливочного сыра? Ни мяса, ни хлеба, ни чего-то ещё?

Элоиза пожала плечами.

– Я не очень люблю мясо.

Шефер неодобрительно поморщился. Затем покачал головой и продолжил:

– Моссинг был адвокатом защиты, поэтому, разумеется, ему приходилось защищать негодяев – богатых негодяев, прошу заметить, – и делал он это хорошо.

– Значит, могло быть много тех, кто имел на него зуб. Конкуренты, например. Разве у такого человека, как он, не бывает много врагов?

– Да, многим он не нравился по разным причинам. Но на убийство пошёл только один человек.

Элоиза задумчиво жевала.

– Правда ли, что после убийства она стояла перед камерой наблюдения на дороге у его дома и несколько минут смотрела в объектив?

Шефер сделала глоток пива, не сводя с Элоизы глаз.

– Угу.

– И нет ни малейшей вероятности, что вы можете ошибаться? Что Анну Киль обманули и кто-то просто пытается выставить её убийцей?

– Если представить, что кто-то вынудил её войти в дом, заставил её против своей воли убить Кристофера Моссинга, оставить свои отпечатки пальцев на оружии убийства, после чего измазать его в крови жертвы, то вы правы.

– Хмм.

Шефер покачал головой.

– Пожалуй, скажу так: я очень удивлюсь, если мы окажемся не правы.

Элоиза неуверенно кивнула.

– Но с какой стати ей это делать?

– С какой стати ей вообще делать что-то из того, что она сделала? Почему она убила его, почему она стояла и смотрела в камеру и почему она посылает вам письма сейчас, спустя столько времени – если принять на веру, что они действительно от неё?

– А у вас вообще есть версия? – спросила Элоиза. – Я имею в виду, относительно её мотивов.

– Окончательной нет. Но у неё, без сомнения, есть объяснение, зачем она сделала то, что сделала. Может быть, её привели туда голоса в голове. Может быть, она увидела Моссинга на улице или в очереди в супермаркете и убедила себя, что он – угроза, которую необходимо устранить. Но разумной причины, похоже, быть не может. Как вы, вероятно, читали в репортаже газеты «Ekspressen», Анна болеет уже долгое время, и несколько школьных психологов подтвердили, что это сильно изуродованная болезнью молодая женщина, которая уже в юном возрасте проявляла признаки психопатии. Кстати, это больше нельзя так называть. Сегодня это называется «диссоциальное расстройство личности» – надо, чтобы всё звучало красиво. Но не важно, как, черт возьми, это назвать, всё равно это ужасно.

– «Диссоциальное расстройство личности», – повторила Элоиза. Она подвинула к себе блокнот, лежавший на столе, и кликнула ручкой-автоматом. – Что именно это значит?

– Вот это вам лучше убрать. – Шефер кивнул на ручку. – Всё, о чем мы здесь говорим, не подлежит разглашению.

Элоиза закрыла блокнот и убрала его в сторону.

– Хорошо. Это не для разглашения. Что означает диссоциальное расстройство личности?

– Люди, страдающие психопатией, легко становятся агрессивными и ведут себя равнодушно и грубо по отношению к окружающим. Они очень бурно выражают свои чувства и просто не понимают, что их действия имеют последствия: они никогда не ошибаются – это всегда вина других. Другими словами, они абсолютно непредсказуемы.

– И вы сказали, что школьный психолог Анны подтвердил этот диагноз?

– Психологи. Большинство психологов. Её несколько раз исключали из школы. В одной школе она угрожала учителю математики. Позвонила его жене домой и сказала, что застрелит его, когда он придет в школу на следующий день. Очевидно, она недолюбливала дробы.

– А в следующей школе?

– В следующей школе она ударила ровесника теннисной ракеткой в лицо на уроке физкультуры. По имеющимся данным, он пробрался в женскую раздевалку, пока девочки переодевались. – Шефер допил пиво. – Это стоило ему сломанного носа.

Элоиза инстинктивно потёрла переносицу.

– Это какое-то безумие, в конце концов. Почему её не сдали в интернат для трудных подростков или что-то в этом духе?

– Потому что на тот момент ей было не больше двенадцати лет и потому что никто не обращался в полицию. Никто не сообщал о происходящем, никто не поднимал шума. Все проблемы решались без огласки с помощью игры на гитаре и циркулярной педагогики.

– Решались? Не похоже, чтобы хоть одна проблема была решена.

– Вы тоже так считаете?

– А что же родители, где они были?

– У меня сложилось впечатление, что они не очень-то интересовались дочерью. Её отец нашёл работу в Гренландии, когда Анне было лет восемь-девять, и там он нашёл себе милую эскимосочку. Так что он развёлся с матерью Анны и дальше воспитывал уже новых своих отпрысков. Тогда он полностью исчез из жизни Анны.

– А мать? У неё свой винный ресторанчик в Херлеве?

– Да. «Фонарь».

– Что она собой представляет?

– Милая леди. Профессор философии.

– Серьёзно?

– Нет. Шутка. Она владеет винным ресторанчиком. Включите воображение.

Элоиза откинулась на спинку стула с негодованием. С одной стороны, ей нравилась его сухая, недипломатичная форма общения. Ей всегда нравились люди прямолинейные. Честное оскорбление было для неё гораздо лучше вежливой лжи. Тогда, по крайней мере, ты знаешь, что за человек перед тобой. В то же время её рассердило, что мужчина на такой должности позволяет себе подобным образом припечатывать людей.

– Если я чему научился за двадцать восемь лет службы в полиции, так это читать людей, – сказал Шефер, как будто он мог читать и её мысли. – И они в основном соответствуют моим ожиданиям.

– И что вы этим хотите сказать?

– Что люди редко отклоняются от стереотипов. Счастливая шлюха, честный политик, чистый в отношении допинга спортсмен мирового уровня? Забудьте об этом, их не существует.

– А что насчёт объективного журналиста?

Шефер усмехнулся.

– Объективности не существует, тем более среди журналистов. Вы – извините – слишком погружены в себя. Поймите меня правильно, я не сомневаюсь, что вы сами верите, что в погоне за истиной объективны. Но, когда подозреваемая в убийстве начинает слать вам личные приветствия, вас в первую очередь интересует не её роль в деле, а ваша собственная. И не пытайтесь меня убедить, что вам не хотелось бы увидеть в газете своё имя.

– А что тут такого? – Элоиза скрестила руки на груди.

– Да нет, ничего. Но это уходит корнями в эго.

– А когда вы бросаете преступника за решётку, то делаете это только ради социального порядка? Это ровным счётом ничего не значит для вашего эго?

– Ну, я тоже грешен, – кивнул он. – Поэтому хочу сказать, что в большинстве своём мы оправдываем те ожидания, которые бывают относительно нас у окружающих. И есть веская причина, почему мало кто доверяет журналистам. У вас почти всегда есть какие-то собственные планы.

Элоиза отложила вилку и отодвинула блюдо в сторону.

– Не похоже, чтобы Элен Моссинг была подвержена тем же предрассудкам, – сказала он, вставая. – Хотите ещё пива? Или чашечку кофе?

Шефер покачал головой.

– Элен Моссинг? Вы с ней разговаривали?

– Да, сегодня. Я как раз ехала из Ведбека, когда появилось фото в «Инстаграме».

Шефер откинулся на спинку стула и закинул руки за голову.

– Ну неужели, чёрт побери! Я очень удивлен, что она вас приняла. Работать с Йоханнесом Моссингом было сущим кошмаром.

– В каком смысле?

– Во всех смыслах.

– Он и меня не особенно был рад видеть, могу признаться.

– Что же вы обсуждали с фру Моссинг?

– Не особенно много. Мы не так много успели сказать друг другу, когда домой пришёл Йоханнес Моссинг и попросил домработницу выпроводить меня на улицу.

Шефер кивнул.

– Да, это на него похоже.

– Отчего же он не хотел сотрудничать со следствием? Это странно. Он ведь так же, как и вы, заинтересован, чтобы убийцу его сына поймали, не так ли?

Шефер не ответил на вопрос. Вместо этого он указал на письма на столе перед ним.

– Вы не одолжите мне пару пакетов с клипсой?

Элоиза собиралась возразить, но он поднял руку, останавливая её.

– На них, безусловно, уже много отпечатков других людей, но их всё равно стоит проверить. Есть вероятность, что ДНК отправителя окажется на клеевом краю конвертов.

Элоиза уже успела сфотографировать письма на айфон и загрузить их в iCloud. Она достала пакеты.

Шефер снова надел перчатки и положил каждое письмо в свой пакет.

– А мне что делать? – спросила Элоиза.

Шефер встал и застегнул куртку на молнию. Он достал портмоне из заднего кармана и протянул ей свою визитку.

– Дайте знать, если в «Инстаграме» появятся новые сообщения или загадочные фотографии. А вообще я думаю, что вам следует вести себя тихо и быть начеку.

Он огляделся.

– У вас есть молодой человек или кто-то, кто может остаться с вами сегодня вечером?

Элоиза покачала головой.

– Тогда запритесь и всё время держите дверь на замке, – он протянул ей на прощание руку, и Элоиза пожала её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.